PG 3115
.P68

1834

LIBRARY OF CONGRESS
00019711018

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

648

C250
258

ПОВѢСТИ

ИЗЪ

РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ

ПРЕДАНІЙ.

Povesti iz russkikh narodnykh
predanii

ИЗДАННЫЕ

М. Н. МАКАРОВЫМЪ.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго
1834.

PG3115
P68
1834

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Августа 28 дня 1831 года.

Цензоръ Левъ Цвѣтаевъ.

89-139724
Ч. 86, 05-08-89

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ

ГРАФУ

ѲЕДОРУ АНДРЕЕВИЧУ

ТОЛСТОМУ,

ГОСПОДИНУ ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ, СЕНАТОРУ, ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ КАММЕРГЕРУ И КАВАЛЕРУ, РАЗНЫХЪ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ И ПОЧЕТНОМУ ЧЛЕНУ.

70с 77

Милостивый Государь!

Мои Повѣсти взяты изъ Русскихъ народныхъ преданій и собраны въ свободныя минуты отъ занятій по службѣ. Вѣчнопризнательный къ особенному Вашему вниманію, я осмѣлился ихъ посвятить имени Вашего Сіятельства!

Но, въ сихъ Повѣстяхъ, не ищите совершенствъ писателя отличнаго. Это одни только вѣрные списки съ разсказовъ самыхъ простыхъ, болѣе, или менѣе вѣроятныхъ. Они добыты мною во время многочисленныхъ моихъ поѣздокъ по Россіи и представ-

лены здѣсь, почти въ своей одеждѣ, безъ всякихъ украшеній.

Примите ихъ, Ваше Сіятельство! какъ знакъ моей неизъяснимой къ Вамъ признательности и совершеннаго уваженія, а съ тѣмъ же вмѣстѣ дозвольте мнѣ и навсегда, при глубо-

чайшемъ къ Вамъ почтеніи и преданности, имѣть честь пребыть и остаться.

Вашего Сіятельства

Милостиваго Государя

покорнѣйшимъ слугою

1831 года
Москва.

Михаилъ Макаровъ.

I.

ПРОНСКІЙ РОСТИСЛАВЕЦЪ.

Повѣсть изъ Рапсодіи Бѣдняка.

ПРОНСКІЙ РОСТИСЛАВЕЦЪ.

Бѣгутъ отъ Гемуса къ Дунаю племена
За ними слѣдомъ свищутъ стрѣлы. . . .

Славяне, тѣснимые изъ Мизіи Болгарами, а изъ Панноніи Волохами, переходили въ сѣверную часть Европы, бо́льшая половина въ нынѣшнія Россію и Польшу, въ дикія и малолюдныя земли; но за то богатыя пажитями, весьма удобныя и счастливыя для жизни Патріархальной. Здѣсь только — какъ, можетъ быть, думали Южные изгнанники — не могъ уже достигать ихъ слуха страшный свистъ стрѣлы Моголовой, врага сильнаго, безпощадно громившаго ихъ первыя родовыя жилища*. Они еще

* Многіе ученые изыскатели о происхожденіи и переселеніи народовъ полагаютъ *Славянъ* и даже *Русь*, какъ отрасль Славянскую, переселенцами изъ нынѣшней Индіи, вытѣсненными оттуда къ Сѣверу племенами Моголовъ.

помнили о своихъ переселеніяхъ въ Европу со счастливыхъ береговъ Ганга, изъ-подъ лучей вѣчно весенняго солнца. . . .

Здѣсь, повторю я, въ глуши непроходимыхъ дремучихъ лѣсовъ; но всегда на крутыхъ берегахъ рѣкъ, или источниковъ, на мѣстахъ чистыхъ и высокихъ гонимые пастухи - воины устанавливали свои Городища и располагаясь въ нихъ и подлѣ нихъ, вели жизнь Патріархальную. . . Къ числу таковыхъ жилищъ принадлежалъ и Пронскій Ростиславецъ*, еще существующій въ своихъ остаткахъ и, до нынѣ Михайловскаго уѣзда, на правомъ берегу Прони въ дачахъ села Мишина.

Въ 1799 году, на возвратномъ пути изъ Малороссіи въ Рязань, застигнутый глубокою осеннею ночью, я нашелъ себѣ пріютъ въ одномъ изъ окрестныхъ селеній Ростиславскихъ, и тамъ, посреди многочислен-

---

** По другому преданію. *Вышеславецъ.*

наго семейства крестьянъ, въ домѣ столѣтняго старца, слышалъ пѣсни странника, нищаго — слѣпца*. Въ речитативахъ Бѣдняка воспоминалась древность, забытая всѣми, кромѣ бѣдности; и при *лѣтахъ вѣчныхъ* она находила еще въ сихъ воспоминаніяхъ для себя помощь; она питалась ими; она существовала сими простыми разсказами о дняхъ минувшихъ.

Пѣсня слѣпаго старца началась, и продолжалась почти такъ:

«Люди православные, слушайте! Страшно шумѣла рѣка наша Проня; сильно выли и свистали вѣтры отъ Сѣвера; долу преклонялись окрестныя темныя дубравы; но вдругъ

* Ни въ одной Руской странѣ нѣтъ столько слѣпцевъ-*рапсодистовъ*, сколько я видѣлъ ихъ въ сторонѣ Рязанской, они распѣваютъ: о *Лазарѣ убогомъ* и *Алексѣѣ, человѣкѣ Божіемъ*, о *Кудеярѣ разбойникѣ* и о *войнахъ Мамая*, о *лѣсахъ Словенскихъ*, и о *Святыхъ целѣбныхъ студенцахъ* Рускихъ и проч. и проч. Сіи слѣпцы похожи на древнихъ *Хаджи*: повѣствуя свои древности на распѣвъ, они бьютъ такту, подчасъ кочергою, или сковородами.

еще быстрѣе закрутилъ вихрь отъ полудня, и при глазахъ отцевъ нашихъ онъ съ трескомъ свалилъ вѣковый дубъ, стоявшій на ближней лужайкѣ. . . Ахъ, православные люди! то-то было грозное время!»

«И все это сущая правда: такъ разсказывали намъ дѣды, а имъ, нашимъ дѣдамъ, ту же правду передавали ихъ дѣды и прадѣды.»

«Вотъ тамъ на пустыряхъ безлюднаго Ростиславца они видали горькую *Шамову**, Княжну отъ прежнихъ Князей нашихъ. Знайте, люди православные, что прежде стороной нашей правили не Цари и Государи необозримаго царства Рускаго, а свои Князья родные; но ихъ нѣтъ уже ни одного въ цѣломъ свѣтѣ, а намъ славно жить и подъ державою Рускихъ Царей, Государей! Бѣдно всегда бывало платье на Шамовѣ; ноги босы, голова никогда ни чѣмъ не покрыта и — длинные чер-

* Имя *Шамовы* еще и по нынѣ сохраняетъ одно изъ окрестныхъ селеній—*Шамово*.

ные волосы ея вѣтръ разносилъ, какъ хотѣлъ, по плечамъ у ней. Тогда еще не знали ни алой лѣнты, ни кармазинной тесьмы узорочной; даже простой снурочикъ для прадѣдовъ нашихъ былъ неизвѣстенъ, а павелика и вѣнки цвѣточные не могли противиться вѣтрамъ на головѣ дѣвичьей! Темная туманная ночь покрывала лице Шамовы; на ея впалыхъ и мутныхъ очахъ витала смерть; но Шамова не плакала, а слезы сами собою, время отъ времени, крупными градинами катились по ея помертвѣлымъ щекамъ.

»Наши прадѣды также видѣли, какъ однажды Шамова сѣла на самый высокій холмъ Ростиславца; въ то время она смотрѣла на полдень и— пѣла. Внятно слушали прадѣды ея пѣсню и замѣчали, какъ не рѣдко эта пѣсня прерывалась тяжкими вздохами безпріютной. Тогда же, вдругъ за лѣсами, послышала она отзывъ *турьяго рога;* это аукалась бродящая Мещора*. Шамова прислушивалась къ от-

* Мещора оставила на всегда признаки своего

кликамъ, умолкла и потомъ запѣла, и вотъ слова ея пѣсни:»

»Они всѣ умерли; никого изъ нихъ смерть не щадила! Смерть безжалостна ко всякому; она ни къ чьей молитвѣ непреклонна; Боги милосердые! какъ зла эта смерть!»

»Они всѣ умерли; никого изъ нихъ смерть не щадила! Смерть безжалостна для всякаго и ни къ чей молитвѣ непреклонна; она обречетъ на гибель и не измѣнитъ своего закона ни для чего въ свѣтѣ. Какъ зла эта смерть!»

»Они всѣ умерли! и Хавертъ*, мой родитель, уже давно палъ подъ косою смерти! Ахъ! когда бы ты жилъ еще, мой родитель! тогда, кто знаетъ! ты перенесъ ли бы равнодушно всѣ бѣды, насъ постигшія. Городецъ Ростислава уже не радуется

быта въ Рязанской губерніи: весь лѣсной уголъ, простирающійся отъ Рязани ко Владиміру (за исключеніемъ такъ называемыхъ лѣсовъ Славянскихъ въ Спасскомъ уѣздѣ), именуется Мещорою.

* Въ имени села *Хавертова* (Михайловскаго

своею красою; его жители: дикіе звѣри, хищныя птицы, и—змѣи, готовыя теперь обвивать мои ноги!»

Тутъ Шамова смолкла.

«Прадѣды увидѣли, какъ юный сынъ Князя *Печоры**, пристигнутый бурею на поляхъ Ростиславца, послышавъ грустный вопль Шамовы, отдавъ своего коня дружинѣ, подошелъ къ злополучной и низко ей поклонился.» Бѣдная Шамова!» сказалъ онъ: «ты все еще по прежнему стонешь? Ты все еще служишь нищетѣ твоей вѣрно! ты бродишь безъ пріюта? Но наша Печора уже давно нашла для себя пристань; цвѣтистая степь предложила намъ раздолье! Посмотри на доброту нашихъ коней, на тучность нашихъ стадъ и—тогда, Шамова! ты скажешь, что мы счастливы. Живи съ нами: раздѣли наше счастье! Моя бы мать могла

уѣзда), можетъ быть, еще сохранилось имя Витязя *Хавертà?*

* Памятникъ о сей Печорѣ: Село *Печорники* (бывшій городъ) въ Михайловскомъ же уѣздѣ.

тебѣ быть сестрою; но я не зналъ моей матери; за то тебѣ дочерью будетъ моя подруга. . .»

«Шамова вздохнула; но не произнесла ни слова.»

«Двадцать два раза — продолжалъ юноша— я видѣлъ весну и много, много услаждалъ себя ея богатствомъ! Первый крикъ царя птицъ Орла, равно какъ и первая пѣснь лѣснаго Баяна—соловья, всегда веселили мое сердце; но и при торжественныхъ крикахъ орлиныхъ, и при сладкихъ свистахъ любимца весны — въ то время, когда все исполнялось восторгомъ — одни только твои стоны, Шамова! были непрерывны: я ихъ слышалъ, дочь тайны! Лучи животворящаго вешняго солнца никогда, никогда не радовали твоего сердца и — жаворонокъ, достигающій къ небу, не слыхавши твоихъ благодарныхъ молитвъ, не доносилъ ихъ къ подножію боговъ непостижимыхъ*! Шамова! открой

* Нѣкоторые простолюдины еще и понынѣ

мнѣ свое сердце и повѣдай причину грусти!»

»О мой витязь!» воскликнула Шамова: »О мой витязь!» повторила она; »ты требуешь того и—повѣдаю тебѣ всю злую скорбь моей души! но помысли, витязь, о томъ, чего ты требуешь? Ты безразсуденъ!...»

»Кто! я?» спросилъ съ удивленіемъ юный Князь Печоры.

»Ты!» повторила съ твердостію дочь тайны: »а потому и *грусть моя* неразлучна съ судьбою твоей жизни!»

»Юноша взялъ руку Шамовы и — молчалъ.»

»Твое удивленіе возрастаетъ!» продолжала нищая: »ты вождь Печоры; но судьба Россіянки, дочери забытаго племени, съ твоею судьбою нераздѣльна!.... Ахъ, мой Князь! ты очень близокъ къ моему сердцу. Въ

увѣрены, что жаворонокъ, взвиваясь къ небу, въ пѣсняхъ своихъ передаетъ Богу добрыя дѣла людскія.

долинахъ Ганга, когда Моголъ еще не зналъ твоихъ отцевъ* и когда Проно**, нашъ Господь, еще не былъ постыженъ отпадшими***, ты и твои отцы знали уже Хаверта?»

«Слава Хаверту!» воскликнулъ юноша и приподнялъ свой шлемъ****. «Хавертъ! щитъ и спаситель нашихъ странъ!» продолжалъ онъ: «кто его не зналъ?... Хавертъ

---

* У насъ есть еще сказочное преданіе, что какой-то Царевичь Мигулъ, или Мугулъ, ухвативъ *сорокопудовую* палицу, выгналъ всѣхъ Царей и предковъ Руси изъ тридесятаго царства, подсолнечнаго Королевства и проч.

** *Слоевно - Руско - Индское* божество. — (Если только Индійская Нимфа *Проньяхтала* означаетъ извѣстнаго уже намъ *Проно*.)

*** Индійцы полагаютъ, что покореніе страны ихъ великимъ Моголомъ измѣнило между ними вѣру многихъ жителей.

**** Обычай при произнесеніи *слава* оставаться съ непокрытою головой, еще и нынѣ существуетъ между нѣкоторыми *святочными* обрядами. У иныхъ Велико-Россійскихъ крестьянъ, при воспѣтіи: *Слава Богу на небѣ, слава нашему Царю на сей землѣ!* сидящіе встаютъ, а имѣющіе на головахъ шляпы и шапки скидаютъ ихъ и кидаютъ къ верху.

первый спасалъ насъ и другихъ беззащитныхъ въ странахъ Солнца. Хавертъ изъ *первыхъ* отклонилъ покорность нашихъ отцевъ врагамъ ихъ. Онъ первый торжествовалъ славу нашихъ клятвъ: ненавидѣть врага боговъ Могола*, и наши Князья, здѣсь на Сѣверѣ, нашли миръ подъ мощною силою рукъ Хаверта. О Шамова! кто его забудетъ?«

»Оставляя отчизну, ты слыхалъ, какъ непроченъ и кратокъ былъ союзъ нашъ съ Лыбедами**, народомъ намъ соплеменнымъ и также, какъ мы, изгнаннымъ — продолжала Шамова. — Росциславъ, нашъ Князь, не нажилъ согласія съ начальникомъ Лыбедовъ: онъ отвергнулъ нашъ союзъ; тогда мы предоставили ему бе-

---

* Моголъ, покоривъ разныя Индійскія Царства, какъ говоритъ Исторія, старался всѣхъ покоренныхъ привести къ одной вѣрѣ: отъ сего начались его гоненія на многихъ обитателей счастливой Индіи и разселенія ихъ въ другія части свѣта.

** Народъ отрасли Славянской; объ немъ упоминаетъ Руская Исторія.

рега Танаиса, а сами — только здѣсь, въ сей странѣ, сопровожденные образомъ Проно*, учредили пріютъ нашей дружинѣ. Болѣзнь и дряхлость лѣтъ Ростислава обязали его уступить мечь Хаверту и—Хавертъ, супругъ Лыбеды, сестры Ростислава, съ той поры правилъ Славянскимъ народомъ. Князь! ты знакомъ съ бытомъ сосѣдей: твоя Печора завсегда была близкимъ намъ другомъ! Ахъ! какъ мы были тогда счастливы! Миролюбивые Ростиславцы приносили жертвы богу Проно: они ежедневно благодарили его за судъ и правду Хавертовы, и каждый изъ нихъ былъ готовъ умирать за Хаверта, а Хавертъ успокоивалъ Ростислава — и Ростиславъ молился Богамъ, благодарилъ ихъ, и дорожилъ любовію Славянъ, ему подвластныхъ; а дѣти отцевъ нашихъ и сами наши отцы позабывали уже счастливыя страны Солнца! Тогда *тридевять зе-*

* Славяне, переходя изъ одной страны въ другую, вмѣстѣ съ собою переносили истуканы боговъ своихъ.

*мель и тридесятое царство**, откуда мы пришли сюда, уже были для насъ сказкой: мы ихъ забыли и—наши дѣти не имѣли той вѣры, какая бывала въ насъ къ чудесамъ и—красѣ Ганга; самое имя нашего божества: *Ягоей*, обращено дѣтьми нашими въ шутку.»

»Я тогда была уже на *тринадцатой* веснѣ и понимала, когда говаривали мнѣ, что съ каждымъ отблескомъ вешняго солнца я цвѣла его лучами. Такъ; я говорю истину: меня, дѣву Солнца, дѣву бога непосшижимаго, не презрѣли и въ странахъ зимы. Князья и Витязи Кривичей, Вятичей, Ме-

---

* Извѣстная сказочная примолвка, которую одинъ изъ любителей отечественной древности относитъ къ воспоминаніямъ о странахъ *теплыхъ*, первобытномъ жилищѣ Славяно-Руссовъ. *Новое мнѣніе:* „Изгнанныхъ изъ отечества, къ Сѣверу ужасами болѣзней.“ Пословица: *хвали жену покойницу, хвали утро вечеромъ днёмъ несбѣченой* и проч. Есть копія Азіятской пословицы: *хвали жену по сожженіи* и проч. Опять отзывъ Индійскій!

щоры, Бродницы* и другихъ народовъ искали моего сердца. Для меня, они преклоняли колѣна предъ Хавертомъ и для меня предлагали дань и подарки Ростиславу!»

«Мои отцы восхищались мною, а жрецы, на своихъ торжищахъ, уже не называя меня дѣвою Солнца, почтили именемъ дѣвы Знича (огня); народъ далъ мнѣ имя *красы ненаглядной*. Юноша! я тогда была божествомъ отцевъ и народа: передо мною и мнѣ самой воскуряли жертвы! Точно также чтили красу и на берегахъ Ганга!»

«Проно и другіе боги: Лель и Полель, осыпали насъ щедротами блага. Ахъ! тогда и миръ, и любовь цвѣли въ нашемъ станѣ: на удѣлъ намъ доставались побѣды. Жестоки были зимы въ новомъ нашемъ пріютѣ; но суровость ихъ не нарушала тишины нашей жизни; зимы не-

* Деревня *Брыницы* (въ Михайловскомъ уѣздѣ), на рѣчкѣ *Истьѣ*, въ писцевыхъ книгахъ названа *Брыдницами*.

видимо пролетали; Зничь укрощалъ ихъ свирѣпость, и даже жертвы *Купало,* подъ покровомъ сего бога ни въ какихъ перемѣнахъ не казались для насъ замѣтными*. Священный огнь, принесенный изъ страны отцевъ, былъ тогда силенъ святостію; онъ взятъ нами отъ лучей солнца**; но въ лѣто, когда великое свѣтило міра равно благотворитъ каждой твари; когда и человѣкъ, и звѣрь, и змій ползущій, и птица подоблачная — словомъ, когда всякое твореніе безъ всякаго различія животворится тепломъ и свѣтомъ солнца: тогда и *гу-*

---

* Прыганье черезъ огонь, пѣсни и пляски во кругъ огня въ ночь, на канунѣ 7-го Генваря и на 24 Іюня, при ожиданіи солнечнаго возхожденія еще и по нынѣ продолжаются между нѣкоторыми крестьянами Рязанской губерніи *окологороднаго стана.*

** Сбереженіе огня *отъ святыни* также еще существуетъ въ повѣрьи нѣкоторыхъ простолюдиновъ. Набожные люди старались донести огонь въ особенныхъ фонаряхъ изъ Кіева и даже изъ Іерусалима, откуда приносили его, по увѣренію преданія, наши *Калики* (Хаджи).

лящая Мещора и Волинь*, ненавистники жизни осѣдлой, окружали Городецъ Ростиславовъ, похищали и женъ, и дѣтей, и скотъ, и коней нашихъ; а съ похищенною добычею торжествовали въ лѣсахъ, или въ степяхъ своихъ. Храбро и отчаянно Хавертъ сражался со врагами. Безчисленныя толпы плѣнныхъ бывали приводимы въ стѣны Ростиславца; съ дикимъ и ужаснымъ крикомъ всегда ихъ встрѣчали наши братья, и я видала, какъ приносили ихъ въ кровавую жертву богамъ благодѣющимъ. Святость законовъ Ганга не могла щадить несчастливцевъ: они

* Рязань имѣетъ (и до сихъ поръ) двѣ *Волини*, или Волыни: Сѣверную и Южную (послѣднюю къ сторонѣ Пронска и Михайлова, а первую на возвышенности отъ Оки къ сторонѣ Москвы). Ходаковскій полагалъ, что всякій сбродъ Словено-Рускихъ и другихъ народовъ, оставшійся на Руси безъ пріюта и безъ начальства, именовался отъ нашихъ предковъ *Волинью* или *Вольницею*, т. е. свободными. Олегъ Рязанскій предпочтительно давалъ пристанище такимъ людямъ. Въ послѣдствіе они назвали себя *казаками*.

какъ даръ, богами намъ ниспосланный, должны были возвращаться къ богамъ же: и я видѣла, какъ обезсиленные сгорали на кострахъ священныхъ; какъ первосвященники, во славу бога, изливали молитвы къ небу и безъ содроганія убивали невинныхъ.... Страшно! Но таковы права законовъ; таковъ былъ уставъ вѣры! Когда же солнце окомъ милосердія воззрѣвъ на узника, спасало ему жизнь: тогда сей свободный несчастливецъ обязывался присоединить себя къ числу воиновъ Ростиславовыхъ. Сердца людей не навсегда рождены быть жестокими!»

«Въ шестнадцатую весну моей жизни Бродницы и Мещора, подкрѣпленные толпами дикой Волыни, мстительно вторглись на пажити Хавертовы; враги громили и грабили все намъ принадлежавшее; но Хавертъ еще успѣлъ собрать свою дружину: онъ пошелъ и утучнилъ Пронскія степи кровью враговъ и — отразилъ ихъ до странъ Затанаискихъ. Дрях-

лый старецъ Ростиславъ былъ увѣнчанъ побѣдами; сотни плѣнныхъ, а съ ними и самъ вождь Волыни пали къ его ногамъ!»

«Я видѣла вождя Волыни.—Вождь-витязь опустилъ очи въ землю: его и руки и ноги были въ оковахъ. Первосвященникъ говорилъ ему о неминуемой смерти, увѣщевалъ его, какъ злодѣя — отступника отъ нашихъ правъ и вѣры; но въ тоже время обѣщалъ ему и спасеніе въ небѣ. «*Покайся! покайся!*» повторилъ онъ неоднократно предъ несчастливцемъ, обреченнымъ смерти. Витязь хранилъ глубокое молчаніе и взиралъ равнодушно на священный ножъ, лежавшій предъ его глазами. Тогда была ужасная буря, но свистъ вѣтровъ и сія грозная буря на Пронѣ, казалось мнѣ, для юноши были утѣшительными... Ахъ! онъ умиралъ въ жертву богамъ и—за свой народъ!»

«Спасемъ юношу!» думала я — и рѣшилась пасть къ ногамъ Князя и

своего отца. Милость боговъ была моимъ покровомъ.»

«Съ трепетомъ и безмолвно предстала я къ древнему Князю; съ нимъ тогда былъ мой отецъ Хавертъ, Великій жрецъ, всѣ Вожди и всѣ другіе Князья. Кожа тигра, наслѣдіе отъ береговъ Ганга, небрежно прикинутая на мои плеча, явно доказали мою дерзость*; но я смирилась, зарыдала и пала у ногъ нашихъ Отцевъ.»

«Это Шамова!» воскликнулъ Ростиславъ и весь его совѣтъ.

«Это дочь моя!» повторилъ за нимъ Хавертъ:» она умерла у ногъ нашихъ!...

«Я жива!» произнесла я, опамято-

---

* Южные Славяне, по свидѣтельству одного писателя, желая доказать въ чемъ-нибудь свою справедливость, являлись къ суду старѣйшинъ въ кожѣ *тигра*, *льва*, или *медведя*—знаки благородной смѣлости и торжествующей истины. Нынѣ у простолюдиновъ, для означенія *преимущества*, одинъ только новобрачный сидитъ нѣсколько минутъ въ тубѣ на выворотъ.

вавшись: »но спасите жизнь мою спасеніемъ жизни другаго!«

»Говори, Шамова!« сказали Князь и весь совѣтъ его.

»Я полюбила!« отвѣчала я съ твердостію: »юный вождь Волынскій, обреченный отъ васъ на смерть, есть и будетъ моимъ вѣчнымъ!...«

»Какъ, Шамова! и ты сама пришла спасать вождя злодѣевъ, врага моей души?« воскликнулъ мой Отецъ: »смерть, смерть Шамовѣ!«

»Смерть, смерть, смерть Шамовѣ!« повторили троекратно первосвященники и весь совѣтъ Княженецкій. Но— Ростиславъ облегчилъ судьбу несчастливицы: съ миромъ улыбнулся къ моей любви и—возгласилъ *жизнь юному вождю Волини!*

»Князь Волынскій и вся его дружина скоро *обратовали* себя съ воинами Ростислава, и Хавертъ, мой отецъ, самъ соединилъ насъ неразрывными узами любви. — Юноша, вождь Волынскій, какъ спасенный

мною, нареченъ моимъ вѣчнымъ и — мы были счастливы!»

«На цвѣтахъ весны сама Ладо даровала намъ сына и этотъ сынъ — твой отецъ, Князь!...»

«Мой отецъ!» воскликнулъ Князь Печоры: «и ты, Шамова, мать моего отца!»

«Такъ!» прижимая къ сердцу юнаго Князя, продолжала Шамова: «такъ!» повторила она: «я мать твоего отца. Для твоего отца Хавертъ покорилъ Печору, и твоего отца Печора нарекла своимъ вождемъ, и твой отецъ оправдалъ себя на поляхъ Танаиса. Онъ умѣлъ владѣть народомъ.»

«Но вёдро, еще прежде его побѣдъ, тамъ за туманною далью исчезло: Лыбедцы, соединенные съ силами народовъ Могольскихъ, какъ бурный потокъ хлынули на жилища племенъ безсильныхъ и — Ростиславъ съ вождами, съ витязями и съ народомъ палъ жертвою враговъ!»

«И я не спасла себя отъ постыднаго плѣна! Буря утихла, небо про-

яснилось, солнце возсіяло вновь... Я возвратилась на мѣста прежней радости; но твой отецъ уже былъ призванъ къ богамъ: онъ палъ вмѣстѣ съ дружиною!...»

«На развалинахъ Росиислава не было ничего живаго*, и съ той поры жизнь оставила его на вѣки!»

«Новый правитель Печоры, въ память дружбы къ Хаверту, предложилъ мнѣ новое счастіе... Но, ахъ! я не могла быть другомъ иному: я *все* оставила и—скрыла себя въ мѣстахъ безвѣстныхъ: среди отшельниковъ міра рѣшилась погребсти свою жизнь. Ищу смерти и — еще живу!...»

«Протекли годы, и ты, единственная надежда моей души, ты еще остался въ свѣтѣ не для того ли, чтобы только встрѣчать меня между сими

---

* Нынѣ ближайшія поля къ Росиславцу, да и внутренность самой крѣпости засѣяны хлѣбомъ. Земледѣлецъ, глядя на древнія остатки городища, тужитъ, что они не истреблены совершенно: они мѣшаютъ пашнѣ.

развалинами минувшихъ дней красныхъ!»

«Безмолвно Князь Печоры взялъ руку Шамовы и вспомоществуемый дружиною, велъ ее къ своему стану; она не противилась; но колебалась на ослабшихъ ногахъ и — рыдала.»

«Шуми, шуми быстрая Проня! вой и свищи вѣтръ ярый! Клонитесь долу, темныя, зеленыя дубравы*! Шамовы нѣтъ уже на бѣломъ свѣтѣ!»

---

* Ихъ нѣтъ уже; но нигдѣ нѣтъ и столько признаковъ, что онѣ были, какъ въ Рязанской губерніи. Кочкарники на лугахъ и пни почти вездѣ еще напоминаютъ о большомъ *Черноліѣсьѣ* Пронскомъ, Михайловскомъ, Скопинскомъ и проч. Названіе нѣкоторыхъ селеній, какъ-то: Лѣски, Дуброва, Осинники, Осинички, Малинищи и проч. указываютъ намъ даже на самую породу бывшихъ лѣсовъ. Въ Пронскомъ уѣздѣ крестьяне села *Старой* Дубровы разсказываютъ еще, что помѣщики деревни *Студенца* (въ разстояніи одной версты отъ Старой Дубровы) долго не знали о существованіи въ ихъ селѣ церкви: лѣса и топи не допускали ихъ имѣть сношеній другъ съ другомъ. И Студенецкая помѣщица, Княгиня *Львова* (около 1710 года), ѣзжала на Бого-

Такъ воскликнулъ слѣпый старецъ и — умолкъ.

молье (въ шележкѣ на одной лошадкѣ) за 20 верстъ въ городъ Пронскъ. За что нынѣ вездѣ долъ, гладь и пашни!

II.

ДОЧЬ ГОСТОМЫСЛА,

Разсказъ изъ Новогородскихъ народныхъ преданій.

ДОЧЬ ГОСТОМЫСЛА.

„...Удержитъ ли кто времени полетъ?
Толпа вѣковъ во слѣдъ вѣкамъ пройдетъ;
Ничтожество лишь здѣсь не измѣнится.“

К. Масальскій.

Непроницаемая, темная завѣса древности сокрыла отъ насъ достовѣрность Исторіи дочери Гостомысловой. Въ однѣхъ только народныхъ сказкахъ Нормандскихъ, изустно переданныхъ въ позднѣйшее потомство вмѣстѣ съ именами Рорика, Тлетвора и Троура, Синвема и Синава, вы иногда встрѣтите имя Ильмены, Альмены, Имлены, Юмьилы, Алкмены и проч. Все имена дикія и странныя; но достойныя и потому вниманія, что онѣ сохранены Исторіею и, такъ сказать, еще живутъ въ оной; а притомъ будутъ и бываютъ уже причиною важныхъ и полезныхъ заня-

тій для всѣхъ Историковъ-Литтераторовъ. Не рѣдко одно замѣчательное имя какого нибудь человѣка, или названіе какого нибудь мѣста обращало ихъ къ изслѣдованіямъ сравнительнымъ, къ общей Исторіи свѣта и открывало имъ тайну важную въ лѣтосчисленіи, или въ землеописаніи, или во времени раздѣленія народовъ родныхъ, во всемъ сходныхъ между собою. Одинъ памятникъ *одного* страннаго *слова* часто воскрешалъ языки совершенно погибшіе. „.

„Въ Рускихъ народныхъ сказкахъ, говорилъ мнѣ неразлучный мой спутникъ, Чернецъ... нѣкоторые прибрежные жители Озера Ильменя доказываютъ, что еще и до сей поры можно услышать рапсодическій высказъ о достохвальныхъ и дивныхъ дѣяніяхъ сколько прелестной, столько же и несчастливой Царевны Ильмены, или Умилы, дочери премудраго Князя Гостомила, или Гостомысла.“

„Это любопытно, очень любопытно, Святый Отецъ!“ сказалъ я, помо-

гая ему причалить лодку къ берегу, на которой мы катались по Ильменю.

«Я нѣчто помню, отвѣчалъ монахъ, стараясь припоминать забытое.» Вотъ на примѣръ эта рапсодія начинается такъ: «Умила! Умила дѣвица, Царевна красавица, породила ты Царей и Князей; отъ тебя, жена древняго Князя Рускаго, отъ тебя породилися всѣ наши Цари.—Дивилися на бѣломъ свѣту, улѣпой добротѣ Умилиной: Бояра, Витязи, Князи и Цари; всѣ они полюбовалися ея красою дѣвичьею!...»

«Гостомилъ, родилъ Умилу, не польщался онъ богатствомъ богатаго, не боялся онъ силы сильнаго!... Старый Князь не уневоливалъ красной дѣвицы, дочери своей красавицы: она сама искала себѣ друга по сердцу. Въ Дѣдовы времена никакой неволи не бывало!»

Здѣсь чернецъ задумался и — наконецъ сказалъ мнѣ, что рапсодія слишкомъ продолжительна, а память ему измѣнила. «Впрочемъ я помню»

присовокупилъ онъ что судьба вручила Княжну нашу одному изъ Князей Упсальскихъ; Умила приняла тогда имя Ильмены, родъ Славянскій, слился съ колѣномъ племенъ Норманскихъ. Самъ Баянъ воспѣвалъ красоту и добродѣтели Ильменины. Такъ, или почти такъ, заключается народный разсказъ объ Умилѣ. . .»

»Я вамъ благодаренъ!« сказалъ я монаху. »Во Фрарціи нѣкто Рейтръ, подражая Оссіану, предметомъ для своихъ пѣсней избралъ нашу древнюю Русь; онъ заставилъ бесѣдовать Новогородскаго Рюрика съ Моиною; но потомъ превратилъ Моину въ Ильмену, и его сказка наконецъ потеряла весь толкъ! Въ 1812-мъ году, плѣнный Наполеоновскій офицеръ Розъ, мнѣ подарилъ Рейтрову книжку...—« Иностранцы, вымолвилъ мой товарищъ, иногда умѣютъ пользоваться нашимъ лучше, нежели мы сами, и если бъ только они имѣли терпѣніе учиться понимать нашъ языкъ, тогда бы они не стали больше называть

нашихъ Ильменъ Моинами, и наша Исторія просіяла бы во многомъ!— Я хотѣлъ было предложить вопросы: »Какъ? что?...« Но мы уже были въ стѣнахъ Новогородскихъ и — мой чернецъ меня оставилъ.

Въ самомъ дѣлѣ Рейтръ пропѣлъ кончину Ильменину и завѣрилъ, что Ильмена, полоненная какимъ-то иноплеменнымъ Княземъ, чудесно избѣжавъ предстоявшаго ей плѣнническаго поруганія, скончала отчаянную жизнь въ волнахъ свѣтлаго озера, изрытаго подъ стѣнами Новогородскими — и такъ Ильмена была наша древняя Лукреція? —

Черезъ два дня я встрѣтилъ опять любимаго мною отшельника, предложилъ ему мысли Рейтра объ Ильменѣ. »Рейтръ правъ! сказалъ улыбнувшись чернецъ; и Новгородъ долженъ имѣть свою Лукрецію. Отвѣчайте: въ какомъ отношеніи предки новѣйшихъ Римлянъ должны быть безгрѣшнѣе нашихъ предковъ Славянскихъ? между поклонниками Перуну

столько же, какъ и между поклонниковъ Юпитеру существовала *добродѣтель*. Должно жалѣть только о томъ, что ни Римляне, ни Славяне и никто изъ живыхъ никогда не признавалъ ее своимъ Богомъ? . . . Что противъ этаго скажешь?«

«Иныя простонародныя пѣсни« такъ продолжалъ монахъ «выпѣваютъ, что Царевна Ильмена подняла на себя руки и погибла; а потому-то-де первый и плодовитый нашъ Трагикъ Александръ Петровичь Сумароковъ, какъ подтверждалъ мнѣ одинъ изъ его внуковъ, написалъ изъ сихъ послѣднихъ сказокъ свою Трагедію Синавъ и Труворъ; но Трагедію сшитую Французскимъ швомъ, если вы припомните. Тогда еще иначе не писали« присовокупилъ онъ съ усмѣшкою. — «Впрочемъ, возразилъ я: эту Трагедію нѣкогда весьма благосклонно принимали всѣ любители отечественныхъ зрѣлищъ. Почти въ наше время она не сходила еще со сцены; но прежде насъ Троепольская, совре-

менница Волкова и Дмитревскаго, Марья Сахарова, (прежде бывшая Синявская), неизмѣнный товарищъ въ трагическихъ роляхъ Шушерина, Плавильщикова и Померанцева; словомъ: лучшіе таланты въ Государствованіе Екатерины Великой, съ большимъ искуствомъ разыгрывали ролю Ильмены, и потому имя Ильмены для насъ осталось и останется еще памятнымъ надолго...» — Не мое дѣло распространяться о вашемъ театрѣ, говорилъ монахъ; но я увѣренъ, такъ заключилъ онъ, что слава имени, всегда раждается отъ славы дѣйствія?...»

Въ изустныхъ преданіяхъ города Суздаля есть еще старинная вѣсть о славномъ езерѣ Ильменѣ, синемъ морѣ Новогородскомъ. «Вотъ и пошла — такъ говорятъ простолюдины — «вотъ и пошла кручинная Царевна «Альмена Смысловна*, вотъ и пошла

* У другихъ Поимена, или Поликсена Самойловна.

»она на сине море Новгородское, и съ »тѣмъ-де моремъ златымъ перстнемъ »обручилася; но въ то же-де время въ »его быстрыхъ водахъ утопилась; а »злодѣямъ въ неволю не досталася; а и »съ той поры море синее, то сине »море Новгородское — Поименинымъ »прозывается, Княжéю водою колы»хается — сладка-та вода Поимен»ская — да вопитъ и стонетъ во »струяхъ своихъ и проч!« Согласясь съ вымысломъ этой сказки въ Альменѣ, или Поименѣ Смысловнѣ, мы увидимъ нашу настоящую Ильмену Новогородскую.

»Великій Царь Смыслъ« говорилъ мой отшельникъ »у нынѣшнихъ простолюдиновъ переиначенный въ Царя Самойла, есть истинный Гостомыслъ. Впрочемъ, кромѣ Татищева, его товарищей и кромѣ переновленнаго Суздальскаго лѣтописца, Гостомыслъ не вездѣ существуетъ. Въ древности наша Русь, или наши Славяне, такъ близко слились съ Норманами, что я право не знаю,

найдется ли такой знатокъ, которой бы рѣшительно могъ отдѣлить потокъ племени одного народа отъ потоковъ племенъ, идущихъ по‘признакамъ, отъ колѣна другихъ людей? „—Будущее непостижимѣе прошедшаго „замѣтилъ я; но вѣдь мы говоримъ только объ Ильменѣ. „ —

Читая многія изъ древнихъ рускихъ стихотвореній, и я нѣкогда сдѣлалъ піитическій опытъ изъ порожденной отъ мечты жизни Ильмениной. Здѣсь прилагаю краткій отрывокъ моихъ стиховъ.

Сказки Норманскія намъ повѣствуютъ, что — Ильмена, гонимая любовью какого-то сильнаго властителя Холмоградскаго, рѣшилась погибнуть въ волнахъ синяго моря! — Мое подражаніе сей сказкѣ заключается въ слѣдующемъ:

Вѣтръ съ полуночи несется,
Грянулъ громъ ужасный!
Ливнемъ дождь изъ тучи льется,
День погибъ прекрасный!

Гдѣ теперь пріютъ Ильменѣ?
Кто ее укроетъ?
Здѣсь конецъ любви, измѣнѣ...
Бѣдная утонетъ!...
Изъ пещеры — за кустами
Слышится ей голосъ;
Дѣва вскинула очами:
Вотъ предсталъ богъ Волосъ!
Онъ отъ стадъ пришелъ нарочно
Ей прорѣчь кончину:
„Въ жизни счастіе непрочно,
„Кинься ты въ пучину! —
„Тамъ погибнешь, и — свершится
„Тѣмъ твоя судьбина!...“—
„Страшно, ужасно рѣшиться!
„Гибельна пучина!...
„Но и счастьемъ я не льщуся!“
„Молвила Ильмена:
„Богъ велѣлъ, на все рѣшуся,
„Тѣмъ избавлюсь плѣна!“
И въ волнахъ она сокрыла
Въ то же мановенье,
Чѣмъ жила и что любила:
Кротость и терпѣнье!...

«Все хорошо!» сказалъ мнѣ однажды чернецъ. «Да Несторъ-то не

говоритъ ни о какой Ильменѣ*; онъ, или послѣдователи его пишутъ просто, что Рюрикъ былъ сынъ Умилы дочери Гостомысла и жены великаго Князя Упсальскаго. Вы помните, мы однажды о ней говорили?» — И ничего не сказали, подумалъ я; но Историкъ чернецъ на сей разъ не предугадалъ моего мнѣнія и продолжалъ свое: «Умила имѣла у себя» говорилъ онъ «и другихъ сыновъ, прославившихся на военныхъ поприщахъ. Первый изъ нихъ назывался Синавомъ, или Синеусомъ, второй Тувуромъ, или Труворомъ...» а третій Иваномъ Царевичемъ, присовокупилъ я, улыбнувшись. — Чернецъ самъ засмѣялся той важности, съ которою онъ усилился выразить имена Синеусъ и Тувуръ.

Въ послѣдній разъ (это было весною 1810 года) ходя по берегамъ

* Самое озеро въ его лѣтописи называется Армень.

Озера Ильменя, я дышалъ, такъ сказать, воспоминаніями о временахъ прошедшихъ; мое воображеніе переселялось за нѣсколько столѣтій. Тогда было пасмурно: сильный вѣтеръ колебалъ озеро, волны съ пѣною клубились на ономъ. Дождь накрапывалъ; я поспѣшилъ возвратиться и заключить всѣ мечты мои слѣдующими стихами:

Умила! вѣрю я, мечтаю;
Кто знаетъ бывшее съ тобой?
Твоя могила гдѣ? — не знаю.
Твоя вся жизнь покрыта тьмой!...
Но не молчитъ еще преданье
О славномъ имени твоемъ,
А въ немъ
Да будетъ жить пѣвца мечтанье!...

А гдѣ жъ Чернецъ-Историкъ Ильмены?« — Его уже не было. Рыбакъ показалъ мнѣ крестъ воздвигнутый надъ утопленникомъ...

III.

ЛЮБОВЬ И ЗАКОНЪ,

Историческое происшествіе.

„Ахъ! если грѣхъ любитъ,
„Такъ цѣлой грѣшенъ свѣтъ!“

Херасковъ.

ЛЮБОВЬ и ЗАКОНЪ.

„И сердце, въ пламенныхъ порывахъ
„Всегда дерзнетъ постигнуть васъ! . . .“
А. И. Писаревъ.

Прекраса оставалась еще въ Константинополѣ, когда Константинъ Порфиродный съ помощію Бога и благочестія Патріарха Фотія просвѣтилъ мракъ заблужденія, помрачавшаго дотолѣ великую Правительницу Руску́ю; Святый смиренный Патріархъ Фотій былъ самъ воспріемникомъ ея при святомъ крещеніи, и Прекраса была наречена Ольгою:—это случилось въ 955 году по Рождествѣ Христовѣ, въ году достопамятномъ сердцу каждаго Русскаго добраго Христіанина. — Вотъ-то время, когда Великій Сердцевѣдецъ, открывъ путь къ нашему спасенію, сокрушилъ въ насъ сѣдую тьму невѣ-

деній! Вотъ тотъ путь, которой уже открытъ былъ для странника — человѣка, подъ спасительнымъ бременемъ Креста, къ златымъ вратамъ Царствія Небеснаго! Тогда Богъ требовалъ только одного смиренія гордости: кто смирился, тотъ и спасенъ; кто преклонялъ колѣна предъ Его Святою Вѣрою, тотъ равнялся святостію съ Силами небесными.

Дружина Ольгина, послѣдуя благочестивому ея примѣру, также воспріяла православную Вѣру Христіанскую, и Владѣтель Царяграда Константинъ Порфирородный учредилъ великія торжества для сего случая. — Ольга съ дружиною будучи предметомъ сихъ радостныхъ пиршествъ долженствовала по необходимости отсрочить день возвращенія на родину, въ землю Русскую, гдѣ уже безпокоющійся объ ней народъ требовалъ ея присутствія. — Должно было послать туда гонца-благовѣстителя, который бы разорвавъ цѣпь заблуж-

деній языческихъ, именемъ Христа остановилъ буйственность волнующихся поклонниковъ Перуна, Лады и другихъ истукановъ; который бы изъяснилъ имъ собою и примѣромъ ихъ Правительницы, сколь Великъ и Святъ Богъ истинный, и сколь низокъ и ничтоженъ дымъ слѣпаго язычества, прахъ Идолопоклонства!

Младый Усердъ, названный въ крещеніи Ипполитомъ, витязь храбрый, добрый, любимый своею великою Правительницею, былъ избранъ отъ нея посломъ къ ея народу Русскому. Онъ не отрекся отъ повелѣній Монархини и съ сердечною радостію расчесавъ гриву добраго коня, положилъ на него сѣдло и отправился въ стольный градъ Кіевъ, гдѣ ожидали его сердцу близкіе, родыне и милые. Скоро онъ преплылъ глубокія моря, широкія рѣки и вступилъ на любезную отечественную землю — Конь игралъ подъ храбрымъ витяземъ и радостнымъ ржаніемъ своимъ доказывалъ ему обще-дѣлимое съ нимъ удовольствіе.

Самъ Ипполитъ не понуждалъ коня; но въ счастливыхъ мечтаніяхъ утѣшалъ воображеніе мыслями удовольствій сердечныхъ, мыслями любви — въ Кіевѣ ожидала Ипполита милая Сердцелюба, красавица изъ всѣхъ красавицъ стольнаго города: она одна была предметомъ желанныхъ благъ его; къ ней первой онъ надѣялся летѣть на крылахъ могущественной страсти, ей первой онъ хотѣлъ объяснить то удовольствіе, которое, по принятіи Христіанской Вѣры, ощущалъ внутри души. «Сердцелюба первая — думалъ онъ — должна быть моею послѣдовательницею; лучъ благодати Господней ее освѣтитъ первую и — тогда предъ Олтаремъ Христовымъ пастырь церкви Бога могущаго наименуетъ насъ супругами. О! какъ мы будемъ счастливы: тогда ничто не помрачитъ спокойствія нашихъ дней; мы Христіане и должны быть счастливы!»—Такъ размышлялъ младенствующій сынъ церкви истиннаго Бога;

такъ онъ терялся въ мечтахъ восхищеній, такъ рисовалъ въ воображеніи законъ непремѣнно счастливаго исполненія надеждъ — Не мудрено: кто увѣренъ въ любви своей любимицы, для того и невозможности кажутся несуществующими.

Но оставимъ странствующаго витязя посреди его цвѣтущихъ надеждъ, и посмотримъ: кто такова была Сердцелюба, и что она дѣлала въ отсутствіи предмета своей души. — Конечно плела вѣнки изъ утѣшительныхъ *незабудковъ* усыпала ими жертвенники Лады и Леля, и курила ими ѳиміамъ отъ своего пламеннаго сердца; или не терялась ли она въ радостныхъ ожиданіяхъ любимца, которой, по общему согласію, былъ долженъ принять ея руку вмѣстѣ съ ея душею, съ ея сердцемъ— посмотримъ!

Мать Сердцелюбы была родная сестра Витязю Храбриму, отцу Усердову. Храбримъ умеръ въ язычествѣ и завѣщалъ сестрѣ сочетать своего

сына съ ея дочерью. Мать Сердцелюбы была согласна; оставалось только ждать положеннаго времени, которое было отсрочено за внезапнымъ отъѣздомъ съ Прекрасою юнаго Усерда — Но между тѣмъ, какъ продолжалось его странствіе, пустынникъ Ираклій, родомъ Грекъ и Христіанинъ, посѣтилъ страну Кіевскую и проповѣдовалъ заблужденнымъ Слово Божіе. Многіе обратились къ оному, склонясь на душеспасительныя увѣщанія и въ томъ числѣ Радима съ дочерью Сердцелюбою: онѣ преклонили колѣна предъ Святымъ ликомъ Спасителя и утвердили клятвою принятіе Закона небеснаго, святаго сущаго. Ираклій нарекъ Радиму Софіею, а Сердцелюбу Вѣрою.

Сердцелюба восхищалась преобразованіемъ своего бытія, преклоняла колѣна предъ Богомъ-Христомъ и предъ Христомъ-Богомъ, каждодневно изливала къ Нему изъ глубины сердца молитвы и не воображала, что тотъ же законъ, который ее спасъ,

долженъ быть разрушителемъ всѣхъ мечтаемыхъ ею благъ и, что съ принятіемъ сего закона ея любовь должна была по необходимости, или обратиться въ дружбу, или изчезнуть въ прахѣ вмѣстѣ съ нею самою. — Мысли Сердцелюбы оставались также и мыслями Усерда; онъ также не понималъ, что благодѣтельной законъ требовалъ отъ него великой, неожиданной, несносной для его чувствованій жертвы. — Ираклій, не зная о пагубной страсти Сердцелюбы, не заботился о томъ, какъ искоренить ее. Онъ не зналъ страсти! Но если бы и зналъ, то и тогда поученія законника изчезнули бы предъ однимъ взоромъ любви? — Что бы тогда было? . . .

Высоко уже было въ то время солнце, какъ Ипполитъ проѣзжалъ окрестности Кіева; близко уже показывались вышки жилищъ Кіевскихъ; конь сильнѣе ржалъ подъ храбрымъ витяземъ, изъявляя тѣмъ радость при встрѣчѣ мѣстъ ему памятныхъ и

любезныхъ. Ипполитъ, упоенный восхищеніями, вспоминалъ пріятныя прогулки съ своею Сердцелюбою. «Вотъ» говорилъ онъ, «вотъ это самая та лужайка, гдѣ мы, уставши, саживались подъ тѣнью густыхъ вязовъ, они еще все такіе же, какъ и тогда были; такова ли-то она, моя милая, какова была прежде? — Вотъ и тотъ быстрый ручей, изъ котораго она въ жаркій полдень краснаго лѣта утоляла свою жажду; будто и теперь вижу, какъ она, черпая бѣлою рукою, пила эту прекрасную ключевую воду, и потомъ иногда бѣлою же своею рукою поила меня! — Какъ сладка мнѣ казалась эта вода, о томъ могутъ воображать только тѣ, которые любятъ также, какъ я люблю, и которые испытали сами собою, что такое значитъ пить съ руки любезной!... Ручей все таковъ же, ни въ чемъ не измѣнился; но не перемѣнилась ли моя милая? — Ахъ! вотъ и сосна, подъ которою я съ Сердцелюбою при первомъ блескѣ

луны останавливался слушать громкую, пріятную пѣснь соловьиную! Будто и теперь гляжу, какъ эта милая крошечная пташка, замѣтивъ ее слушавшую красавицу, старалась въ треляхъ, дробяхъ и перекатахъ превзойдти и самое то искуство, которымъ она одарена отъ матери — Природы!... Сосна все таже; да соловушка ужъ нѣтъ здѣсь, онъ умолкъ!... Не пересталъ ли пѣть онъ для того, что безъ меня моя Сердцелюба не посѣщаетъ больше этаго мѣста. Такъ точно нашъ соловей не поетъ... онъ лишился той, которую умѣлъ славословить въ своихъ пѣсняхъ; а Сердцелюба для того болѣе не посѣщаетъ здѣшнихъ мѣстъ, что она одинока; живучи же одиноко, можно ли чѣмъ нибудь утѣшаться? На что ни взглянешь, все съ своей *парой*, даже и цвѣты ростутъ парами: цвѣтокъ къ цвѣтку, цвѣтокъ подлѣ цвѣточка... Ахъ! что-то теперь моя Сердцелюба: такова ли-то она для меня, ка-

кова была прежде?» Въ такихъ размышленіяхъ юный герой подъѣхалъ ко вратамъ градскимъ, тутъ посадники, тысяцкіе и другіе житые люди встрѣтили его при восклицаніяхъ радостныхъ и, съ сими кликами радости, проводили его до жилища Сердцелюбы.

Конь самъ остановился предъ свѣтлымъ, высокимъ теремомъ Радимы. Сердцелюба прежде всѣхъ увидѣла милаго друга, и сбѣжавъ съ краснаго крыльца, первая кинулась обнимать его. — «Я Христіянинъ!» говорилъ Ипполитъ, и въ радостныхъ восторгахъ крѣпко прижалъ ее къ вѣщему сердцу.—«Я Христіянка!» говорила Вѣра, лаская своего любимца страстными, пламенными взорами и осыпая горячими поцѣлуями. И такимъ образомъ они вступили въ свѣтлую, обширную гридню Радимину. — «Онъ Христіянинъ!» повторила Вѣра, представляя Ипполита матери, которая готова была принять его въ свои объятія. — «И мы Христіяне!» вскричало вдругъ нѣсколько

голосовъ. — »Вы Христіяне и вы примирились съ истиннымъ Богомъ!« изрекъ имъ смиренный Ираклій, который былъ также въ толпѣ радостныхъ. »Вы Христіяне, и вы счастливы навсегда!« повторилъ онъ не однажды.—День прошелъ въ увеселительномъ пиршествѣ и одинъ только полуночный блескъ лунный напамятовалъ пирующимъ, что время оставить праздникъ родства, любви и дружбы.

Рано въ слѣдующее утро Ипполитъ пришелъ навѣстить келью Ираклія, сей едва только совершилъ утреннія пѣсни Великому Богу. — »Да будетъ благословенъ твой входъ сынъ мой!« сказалъ старецъ витязю. — »Съ нами Богъ!« отвѣчалъ послѣдній. — »Что привело тебя ко мнѣ и въ такое необычное время?« спрашивалъ монахъ. — »Вѣра Небесная меня спасла.« говорилъ Ипполитъ: »и такъ пусть вѣра земная въ соединеніи съ Небесною Вѣрою довершитъ счастіе твоего сына!«—»Да благословитъ тебя Господь Богъ!«

воскликнулъ Ираклій. »Но кто сія счастливица, которую пожелалъ ты имѣть себѣ подругою Ипполитъ Христіянинъ?« — »Добродѣтель въ образѣ человѣческомъ, мой Ангелъ хранитель! Вѣра дочь Софіи, Премудрости Божіей!« воскликнулъ юноша. — »Трепещи грѣшный« произнесъ Ираклій »вострепещи творить кумиръ и въ помышленіи твоемъ; законъ Христіянина запретилъ уподоблять смерть безсмертію, слабость силѣ Вездѣсущаго; искорени пищу міра и поученія язычниковъ: не умѣй отвѣчать на вопросъ: Кто равенъ Богу?« — »Я смирился« промолвилъ огорченный неожиданностію юноша.« — »Я сознаюсь предъ Господомъ и тобою въ заблужденіяхъ сердца; но, мой отецъ! развѣ не должна быть Вѣра супругою воина Христова?« — »Нѣтъ!« отвѣчалъ рѣшительно старецъ: »законъ истиннаго, вездѣсущаго Бога несвязуетъ союзовъ, запечатлѣнныхъ кровью родства: Вѣра сестра тебѣ... и такъ, мой сынъ, избери въ подруги

себѣ другую, подобную Вѣрѣ; но не самую Вѣру!...»

«Ей нѣтъ подобной!» воскликнулъ отчаянный Ипполитъ; «старецъ! смирись предъ чувствами Природы, онѣ побѣждаютъ всѣ законы! Трепещи и ты моего гнѣва: если ты осмѣлился во зло употреблять мою довѣрчивость? Я Христіанинъ и я долженъ быть счастливъ; мой Богъ милосердъ; любовь и дружба — символъ Его величій.» — Ираклій молчалъ. — «Богъ страшенъ для позабывшихъ Бога» продолжалъ Витязь «но Онъ кротокъ для тѣхъ, которые чрезъ Него и по примѣру Его любви къ намъ сооружаютъ Ему неистребимый жертвенникъ признательности въ душѣ и сердцѣ. На этомъ жертвенникѣ любовь и счастье, и счастье и любовь курятъ ѳиміамъ Богу!» Здѣсь Ираклій взялъ Ипполита за руку и тихо вывелъ изъ кельи; возвратясь въ нее, онъ затворился и началъ молиться.

Юноша, оставленный старцемъ, въ грусти и отчаяніи забылъ всѣ вліянія спасительной религіи, онъ проклялъ свѣтильникъ озарившій тьму его невѣдѣній, онъ проклялъ святую строгость старцеву и дерзнулъ назвать его лжеучителемъ.— Изступленнымъ вбѣжалъ онъ въ теремъ любимицы, тамъ, упавъ передъ ней на колѣна: »Вѣра!« вскричалъ онъ, »я опять язычникъ! Ты, мой Богъ! ты должна спасти меня?« — »Я твой Богъ!« воскликнула съ содроганіемъ Вѣра. — »Ты мой Богъ! повторилъ витязь, и ты должна спасти меня; да, кто мой спаситель, тотъ и Богъ мнѣ!« — »Ты несчастный безумецъ!« продолжла со слезами Вѣра, »Я твой Богъ? я бѣдное, слабое существо; я трепещу и предъ однимъ мановеніемъ Силы вышней!... Но говори мнѣ, что сказалъ тебѣ Ираклій?« — »Ты сестра мнѣ!« отвѣчалъ отчаянный Ипполитъ »ты мнѣ сестра!« повторилъ онъ. »Пу-

стынникъ предалъ проклятію нашу страсть!»

Вѣра лишилась чувствъ и слезы Софіи, ея матери, соединенныя со стономъ несчастнаго юноши, наполнили домъ прежнихъ радостей и счастія! Протекли мѣсяцы и любовь, противоборствуя закону, не могла ни побѣдить, ни укротить силы своего владычества. — Ипполитъ забылъ религію Христіянина, забылъ священный обѣтъ, возложенный на него Ольгою; язычество преклоняло свои колѣна только предъ единымъ гласомъ Ираклія; но оно не слыхало увѣщаній Ипполитовыхъ! —Вѣра, не истребляла своей любви; но не могла уступать права законовъ правамъ заблужденій: она рѣшилась умирать подъ тягостію креста ею носимаго. — Ираклій былъ непреклоненъ!...

Солнце еще бросило лучъ въ пустыню мрака и радость начала разцвѣтать на лицахъ бѣдствія. — Ольга возвратилась въ Кіевъ; торжествующіе Христіяне приняли

ее со всѣми знаками отличнаго удовольствія.—Всѣ Князья, Бояра, Гости и Витязи явились на пиршествахъ великой Правительницы Россійской; одного только не было тамъ Ипполита, одной только недоставало тамъ Вѣры. — Ольга спросила о своемъ любимцѣ и—тайна его открылась предъ свѣтлымъ ея взоромъ.

»Онъ погибъ!« сказалъ Ираклій; »ничто не помогло снять повязку мрака его ослѣпившаго!« — »Онъ воскреснетъ!« произнесъ Патріархъ Фотій, которой также сопровождалъ Ольгу въ Кіевъ »Онъ воскреснетъ« повторилъ онъ: »Богъ Христіанской милосердъ, всевѣдущъ и — слабость смертнаго предъ закономъ, всегда прощающимъ кающихся . . . игра младенца! Господу было угодно, чтобъ Ипполитъ полюбилъ Вѣру; Господу было угодно, чтобы Вѣра любила Ипполита; ихъ любовь свята и непорочна! Власть Господня неисповѣдима! да будетъ Ипполитъ супругомъ

Вѣры, да будетъ Вѣра супругою Ипполиту.»

«Да будетъ! да будетъ!» воскликнули всѣ Христіане и, любовь вѣрующихъ и кающихся вознаградилась предъ олтаремъ Бога боговъ: Фотій утвердилъ ихъ бракъ; Ольга нареклась ихъ покровительницею!—Усерднѣйшій блюститель вѣры, Ираклій, научился изъ смысла своихъ молитвъ познавать, что нашъ Господь Богъ требуетъ только одного смиренія гордости, признанія въ любви взаимной и дружбы чистой, и—что предъ дверями Его олтарей, заблужденіе и отчаяніе должны находить единую непорочную радость!

Ипполитъ и Вѣра были счастливы во все теченіе дней своихъ: они были примѣромъ вѣрующихъ и добродѣтельныхъ. —

Но это происшествіе сбылось во времена древніе, тогда подобные браки должны были заключаться по необходимости для поощреній буйствующаго язычества къ обращенію въ

Христіянство. — А нынѣ, вы сыны (такъ заключилъ старый разскащикъ повѣсти), блуждающіе въ мрачномъ лабиринтѣ страстей, вы озарены уже свѣтомъ чистѣйшей Вѣры, вы должны смиряться предъ святою твердостію оной и слѣпо повиноваться всѣмъ уставамъ Великихъ Пастырей Церькви: они святы!

IV.

СНѢЖАНА.

Изъ подмосковныхъ преданій.

СНѢЖАНА.

„Дни прежнихъ лѣтъ не возвратятся
Ихъ лѣта вѣчность унесла,
Ихъ жизнь исчезла, отжила;
Но наши дѣды веселятся,
Воспоминая эти дни!...“

„Садитесь ближе ко мнѣ“—сказалъ мой дѣдушка — „садитесь же дѣти, и между тѣмъ, какъ на дворѣ не видно ни зги, между тѣмъ, какъ вѣтеръ то свищетъ, то воетъ въ нашихъ горахъ и дебряхъ, а дождь стучитъ по крышкамъ хижинъ, мы разложимъ дрова въ каминѣ и затопимъ его, онъ попригрѣетъ насъ, дѣти; а я вамъ разскажу одну старинную сказку, вы ихъ охотно слушаете — садитесь.“ И вотъ мы всѣ начали тѣсниться вкругъ дѣдушки, противъ камина. Розовое пламя разлилось и — дѣдушка началъ разсказывать сказку:

«Ну дѣти!» говорилъ онъ «вотъ вы знаете то мѣсто, гдѣ возвышается красивый золотой курганъ Мячковскій*; вы знаете, что это мѣсто картина: тамъ Москва рѣка не глубока, но быстра: она омываетъ тамъ подножье Мячковскаго кургана—крутую гору. Смородинникъ, индѣ малинникъ и во множествѣ орѣшникъ составляютъ окрестные сады этаго мѣста.—Оттуда видъ на окружныя деревни, селы и на бѣлые извѣстковые круча, образующіе подобіе городовъ, очень плѣнителенъ. Многіе говаривали мнѣ, что тутъ могила одного знаменитаго ратобоища; а Ивановна, старая моя няня, достовѣрно разсказывала, что сюда же налетывалъ изъ Мурома Соловей разбойникъ. Прикащикъ Ермолай и слѣпой дьячекъ вторили ей; но и прибавляли еще, что тутъ же нѣкогда живали славные Волх-

* Въ 30 верстахъ отъ Москвы, по Коломенской дорогѣ, на крутомъ берегу Москвы рѣки. Ученый и незабвенный нашъ поэтъ А. Ѳ. Мерзляковъ воспѣвалъ Мячковскій курганъ на золотой своей лирѣ.

вы и чародѣи — что будто бы это былъ неприступный земляной Замокъ Вѣдьмы; — но мало ли кто что говорилъ, это все пустое, все пустое!... Бабьи догадки».

Дѣдушка умолкъ, чтобъ поправить дрова въ каминѣ; а мы сидѣли разинувши рты и ждали нетерпѣливо любопытной отгадки Мячковскаго кургана.

«За нѣсколько вѣковъ предъ симъ (продолжалъ почтенной старецъ) — говоритъ вѣрное народное преданіе — тутъ были лѣса непроходимые, дремучіе, темные, и курганъ былъ все такимъ же, каковъ и теперь, никто не запомнитъ истиннаго его начала — онъ свидѣтель многихъ славныхъ и безславныхъ происшествій нашихъ; онъ пережилъ безчисленное множество Князей, Царей, Героевъ — Витязей и прочихъ и прочихъ; онъ же будетъ свидѣтелемъ, можетъ быть, еще на долго многаго, до тѣхъ поръ, пока разрушитъ его рука времени?

Мы умремъ и дѣти правнуковъ нашихъ помрутъ; но станется, что курганъ на своемъ мѣстѣ все еще будетъ.»

Старикъ опять умолкъ на минуту и всѣ молчали, тогда тихой Ангелъ посѣтилъ нашу хижину.

«На самой маковкѣ кургана» — заговорилъ опять дѣдушка — стояла низенькая, простая; но опрятная хижинка, тѣнь березъ и дубьевъ защищала ее отъ зимнихъ вьюгъ и другихъ непогодъ сѣверныхъ; а лѣтомъ эта же тѣнь доставляла прохладу счастливымъ обитателямъ хижины.—Витязь Мирославъ и жена его Любмила были единственными обладателями хижины.—Этотъ витязь Мирославъ давно оставилъ пышный дворъ Князя Владиміра; зависть да клевета, вооружась противъ него, очернили его понапрасну въ глазахъ Государя краснаго солнышка. — Можетъ быть Князь Владиміръ и чувствовалъ свою несправедливость; но по врожденному самолюбію въ каждомъ изъ насъ, дѣти, онъ не хотѣлъ каяться

въ напраслинѣ и потому вотъ и велѣлъ онъ удалиться витязю; онъ ему запретилъ вѣчно казаться ко двору. Витязь Мирославъ взялъ Любмилу за руку, горестно разстался съ ослѣпленнымъ Княземъ; но былъ долженъ покинуть то мѣсто, гдѣ благодарность и любовь, въ счастливые дни его жизни, награждали лаврами и миртами плоды его усердія къ отчизнѣ, ревности къ добродѣтелямъ Князя! Долго изгнаники скитались то тамъ, то здѣсь, и по горамъ и по доламъ, и по лѣсамъ и по дебрямъ, и по городамъ и по селамъ; они искали пріюта и нигдѣ его не находили. Эти изгнанники были изгоняемы отвсюду. Однѣ любовь да дружба ихъ не оставляли; онѣ были съ ними вездѣ, и вотъ ими-то супруги были веселы, довольны: отъ нихъ-то спокойствіе всегда царствовало на ихъ лицахъ.»

«Какое прекрасное мѣсто!» сказалъ однажды странствующій Мирославъ своей Любмилѣ. «Посмотри душенька, какъ оно хорошо!» повторилъ онъ, указавъ высокія деревья на золотомъ

Мячковскомъ курганѣ. — »Прекрасное мѣсто!« молвила, утомленная дальными и непрестанными странствіями прекрасная Любмила,—тутъ она остановилась на берегу рѣки, опустила голову на плечо Витязя и устремила большіе голубые глаза на высоту горы. — »Здѣсь сторона необитаемая, лѣса дремучіе, а Кіевъ, такъ далекъ отсюда, такъ далекъ« говорилъ Мирославъ »что никто не будетъ знать объ насъ гдѣ мы и, что теперь мы? я согласенъ въ этой неизвѣстной пустынѣ поселиться и быть счастлївымъ!« . . .—»Какъ мы здѣсь поселимся?« вскричала съ безпокойствомъ красавица. »А лютые-то звѣри, а ужасное-то одиночество!« — »Звѣри не лютѣе людей« отвѣчалъ Витязь »изъ звѣрей есть злые, но не хитрые, и потому мы скоро найдемъ способъ усмирять ихъ; что жъ принадлежитъ до одиночества, то гдѣ любовь, тамъ нѣтъ его« довершилъ онъ, вздохнувши и поцѣловавъ супругу.—»И я на все согласна,« отвѣчала

Любмила со взоромъ исполненнымъ любовью: « Свѣтъ мой тамъ, гдѣ ты со мною. »

« Мирославъ взвелъ ее на курганъ, принесъ богамъ жертву, и чрезъ нѣсколько дней на курганѣ уже возвышалась бѣдная хижинка—бѣдная по наружности, да богатая любовью и дружбой! Ахъ! такое богатство не вездѣ и не у всякаго; оно и понынѣ рѣдкость, дѣти. »

« Прошли годы, и супруги жили въ одномъ и томъ же спокойномъ уединеніи; люди болѣе не тревожили ихъ, не оскорбляли ихъ злобою! — Природа и любовь были предметомъ ихъ утѣшеній. — Мирославъ счастливъ, счастлива была и Любмила, казалось, что желанія ихъ свершились вполнѣ; но— они еще желали... — Время летѣло! — Осень Природы готовила въ каждый годъ для нихъ обильныя жатвы; но, съ тѣмъ же вмѣстѣ, ихъ собственная осень приближалась, а они не имѣли еще утѣшенія насладиться плодомъ ея: супруги были бездѣт-

ны. Предбудущее ихъ ужасало! — Часто говаривалъ Мирославъ: « Можетъ быть, скоро зима осребритъ наши волосы, можетъ быть, тогда мы должны будемъ разлучиться: кто жъ будетъ подпорою одинокаго, кто закроетъ глаза отсталаго? » Это страшно, очень страшно! не напоминай мнѣ объ этомъ» — говаривала всякой разъ Любмила — и всякой разъ слезы катились изъ ея пламенныхъ глазъ! Такъ провождали жизнь изгнанники: любовь доставляла имъ радость; предчувствованія о будущемъ ужасали ихъ; но дружба разсѣявала эти предчувствованія и—они были спокойны. »

» Что я сего дня видѣлъ! » сказалъ однажды Мирославъ по возвращеніи съ охоты. » Что я видѣлъ и—если это исполнится: то велика̀, велика милость нашихъ боговъ; они не позабыли еще отторженныхъ изъ сообщества живыхъ! » — Что? что такое? спрашивала его съ ласкою Любмила; говори мнѣ, что такое;

я всегда увѣрена въ милосердіи нашихъ боговъ.» Слушай, слушай, неоцѣненная подруга!» — продолжалъ Мирославъ, приходя постепенно въ сердечный восторгъ:—«я бродивши сего дня очень много по лѣсамъ и дебрямъ, такъ обезсилѣлъ, что за нужное почелъ нѣсколько подкрѣпить себя сномъ и—легъ; это было тамъ, тамъ далеко, по ту сторону рѣки, вотъ въ томъ непроходимомъ лѣсу, которой отсюда едва можно видѣть; я тамъ легъ и, засыпая въ мысляхъ съ тобою, мой другъ, былъ счастливъ! Сонъ мой очень былъ легокъ, кажется, я все чувствовалъ какъ на яву. Мнѣ живо представился свѣтлой образъ Богини Дедиліи*: онъ приближался ко мнѣ; но я будучи въ священномъ ужасѣ, не могъ взглянуть на него; какой-то непостижный трепетъ обуревалъ всѣ мои чувства, я

* Славянская богиня, у которой Славянки просили счастливой беременности. Кратк. *Словар. Славян. Баснослов.* Изд. при Журн. *Пѣснопѣнія.* 1809. Часть 1-я.

былъ нѣмъ. — »Чего ты хочешь?« съ небесною ласкою и взявъ дружественно мою руку, спросила меня Богиня. — Я молчалъ. »Говори, говори!« повторила она нѣсколько разъ: »Мирославъ! я знаю, что ты несчастливъ, и не знаю, будешь ли ты счастливымъ, твое будущее отъ меня скрыто; оно столько же мнѣ неизвѣстно, какъ и тебѣ: я не могу помочь тутъ.« Я счастливъ въ моемъ настоящемъ бытіи — произнесъ я прерывающимся голосомъ. »Не совсѣмъ« отвѣчала Богиня: »ты имѣешь достойную, несравненную супругу, ты ведешь съ ней кроткую, невинную жизнь, пріятную богамъ; но ты все еще несчастливъ; твоя супруга безплодна, и ты не знаешь радости утѣшать себя дѣтьми, ты не знакомъ съ радостію, которою наслаждаются всѣ другіе супруги.« Правда! правда! — вскричалъ я — и готовъ былъ пасть къ ногамъ Богини; но она меня остановила. »Съ сего времени ты долженъ забыть твои печали«

произнесла безсмертная: »знай, что твоя супруга скоро подаритъ тебя плодомъ взаимной вашей любви! — Ты долженъ мнѣ вѣрить. Одно вознагражденье, котораго отъ васъ требуетъ Богиня Дидилія, есть то, чтобъ вы принесли ей чистую жертву изъ бѣлаго снѣга, онъ скоро уже покроетъ ваши поля. Это самая невинная жертва, самая безвредная, ибо отъ ея принесенiй мнѣ и малѣйшая тварь не пострадаетъ. Снѣгъ чистъ это непорочность... таково будетъ дитя ваше; снѣгъ бѣлъ это знаменіе красоты наружной: холодность снѣга изчезнетъ при наступленіи полной весны! . . .«

»Я опамятовался, палъ на колѣна и пролилъ благодарственныя молитвы изъ глубины души! — »Мирославъ умолкъ, а восхищенная Любмила благословляла въ гимнахъ небесное существо возвѣстившее имъ о счастіи.«

»Въ радостномъ ожиданіи окончилась осень, — первый пушистый снѣгъ покрылъ землю, и супруги симъ самымъ первенцемъ принесли жертву

Богинѣ — благодѣтельницѣ; еще прошло нѣсколько времени и онѣ утѣшились прекрасною Снѣжаною, истинно прекрасною, какъ говоритъ преданіе: потому что такихъ прекрасныхъ дѣтей не бывало еще и не будетъ въ свѣтѣ.»

»Теперь однообразная жизнь изгнанниковъ обратилась въ жизнь райскую: они жили утѣхами, видѣли утѣхи, встрѣчали ихъ и — ожидали только утѣхъ однѣхъ. Снѣжана соединяла въ себѣ всѣ радости, всѣ прелести, всѣ совершенства. — Мирославъ и Любмила были превыше всѣхъ своихъ надеждъ; они научали ее только одной добродѣтели; но отдаляя, отъ ней и самое малѣйшее зло, посвящали ее только жизни пустынной—и Снѣжана легко могла пріучиться ко всѣмъ перемѣнамъ времени, ко всѣмъ трудностямъ скитаться по горамъ, лѣсамъ и дебрямъ. — Ея занятія были благо семѣйственной жизни: молитва, охота; ея свѣтъ состоялъ только изъ однѣхъ окрестностей;

люди, обитатели его, были только она и ея родители; но что существовало тамъ, тамъ за лѣсами и долами, то для нее оставалось непостижнымъ — Снѣжана не хотѣла и не умѣла понимать того! . . .»

«Когда жъ случалось, что она спрашивала родителей: неужели мы только одни въ свѣтѣ? — одни, — отвѣчали они, и тѣмъ заключали всё. Но любопытство растетъ съ лѣтами, и вотъ дѣвица не хотѣла вѣрить одиночеству; она докучала своими вопросами то отцу, то матери и — тотъ, или другая иногда отходили отъ нее съ замѣшательствомъ. Она замѣтила это, и перестала спрашивать, надѣясь, можетъ быть, постигнуть, сама собою, непонятную для нее загадку.»

«Не рѣдко, красавица, гуляя по окрестнымъ лугамъ и рощамъ, видала, какъ горлица, соловьи и другія птички лѣтали, и какъ кролики, зайцы и другіе звѣри, бѣгали парами.

»Одна я *одною!*» говаривала она: »у моего отца есть подруга; у кролика, у горлицы, у всѣхъ пташекъ, у всѣхъ звѣрей то же подружки; а можетъ быть, и всѣ рыбы живутъ съ парою же; такъ не ужели только мнѣ посуждено жить одинокой? Нѣтъ! я тому невѣрю; тутъ есть мудреная тайна?» — Въ самомъ дѣлѣ, мудреная тайна долго оставалась для нее самою мудреною тайною, именно: до тѣхъ поръ, пока всѣ ея прелести не показали всѣхъ своихъ цвѣтовъ въ ихъ полномъ цвѣтѣ. Вотъ тогда уже и самъ Лель сдернулъ темную завѣсу съ ея прекрасныхъ глазъ.

»Вешнее солнышко играло, птички пѣли, зайцы и кролики рѣзвились, рыбы плескались въ струяхъ Смородинки*; все радовалось, все веселилось, вездѣ были видны слѣды воскресающей жизни; — лишь Снѣжана, уныло опустивъ голову,

---

* Рѣка Москва, въ древности называлась Смородинкою.

сидѣла на цвѣтущемъ, бархатномъ пригоркѣ, (на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь Коломенская дорога), и срывая головки цвѣтовъ, бросала ихъ въ рѣку. Брошенныя ею цвѣточныя головки повторяли въ водѣ только буль, буль, рѣже, или чаще, а все буль, буль, буль, и больше ничего! — Но вдругъ безмолвіе красавицы прервано: глазамъ ея предстаетъ странное видѣніе: она его не постигаетъ; никто и ничто не можетъ ей изъяснить его! — Въ отдаленности, за нѣсколько шаговъ отъ дѣвицы, прекрасной юноша гордо ѣхалъ на Персидскомъ конѣ и направлялъ его прямо къ хижинѣ; — Снѣжана едва опомнилась, хотѣла бѣжать; но въ нерѣшимости остановилась; чувство, свыше любопытства, удерживало ее до тѣхъ поръ, пока мѣстъ юноша къ ней не приблизился. — Снѣжана ободрилась и съ гордостію спросила незнакомца: говори мнѣ, что ты такое? Кто тебѣ надобенъ? Если ты Богъ, то я готова принести тебѣ жертву. —

Юноша, нашедши посреди дикихъ, безлюдныхъ степей непостижимую для него красавицу, самъ былъ объятъ недоумѣніемъ и, долго не могъ собраться съ духомъ, что отвѣчать ему на предложенные вопросы.—Кто ты? повторила Снѣжана. Я Какмилъ — проговорилъ юноша—сынъ любви Владимировой*, я

* Исторія, намъ не указываетъ на Какмила, между сынами Владимировыми; но кому не извѣстно, что до воспріятія святаго крещенія Владиміръ, слѣдуя примѣру Соломонову, имѣлъ шесть законныхъ женъ и до 800 наложницъ: и такъ возможно ли сохранить Исторіи всѣ имена дѣтей Владиміровыхъ? — да и на что?— Не диковинка, также и то, что Какмилъ, разгуливая на охотѣ могъ далеко заѣхать отъ столицы своего отца! Охота древнихъ Россіянъ составляла родъ нѣкоторыхъ Рыцарскихъ путешествій, въ которыхъ, какъ извѣстно, всѣ наши старинные поповичи и пленковичи искали не дикихъ звѣрей; но приключеній славы! — Ихъ путешествія не рѣдко предпринимаемы были въ самыя дальнія и неизвѣстныя страны... Кстати, также, припомнимъ и то, что Княжество Ростовское состояло — подъ властію Владиміровою, слѣдовательно и окрестности Московскія легко могли составлять, если не часть Ростовской области, то, по крайней мѣрѣ, одну изъ ея границъ.

былъ на дальней охотѣ и потерялъ дорогу.—А развѣ кромѣ насъ еще есть люди на бѣломъ свѣтѣ! вскричала красавица; развѣ и тамъ, за лѣсами, еще дышатъ существа намъ подобныя? — Есть, любезная дѣвица, и очень много; но скажи же мнѣ прежде, кто ты сама, непостижный житель лѣсовъ? — Я Снѣжана, отвѣчала она съ невинностію, мойо тецъ Мирославъ, моя мать Любмила, такія же люди какъ и я, какъ и ты! — Гдѣ жъ они? поведи меня къ нимъ, пусть они успокоятъ странника сына своего Князя. — Снѣжана не хотѣла болѣе требовать объясненій на слова, для нее непонятныя; она взяла Какмила за руку и, повела его подъ кровлю отцевъ. — Что, тогда, ощущалъ Какмилъ, когда красавица держала его за руку — это ощущеніе могло понимать только его сердце! Покуда они шли, юноша предлагалъ ей нѣсколько вопросовъ; но всѣ его вопросы неимѣли отвѣта. — Снѣжана часто останавливалась, чтобъ поглядѣть въ лицѣ Какми-

лу, или, поразсмотрѣвъ его одежду; но во все время ничего неговорила и вела его, въ самомъ глубокомъ молчаніи, къ хижинѣ.»

»Что это значитъ!» вскричала Любмила, увидѣвши дочь съ Какмиломъ. — »Ахъ! это человѣкъ! мы погибли!» произнесъ Мирославъ. Здѣсь онъ закрылъ лице руками и готовъ былъ »упасть на землю.—»Мои отцы! глядите, что это такое, сказала съ неизъяснимымъ восторгомъ Снѣжана, показывая на юношу. »Мои отцы!» повторила она: »это чудо — человѣкъ и, человѣкъ такой же, какъ и ты мой родитель: онъ себя назвалъ сыномъ Владиміра—Князя, который живетъ тамъ за лѣсами.» — »Онъ сынъ Владиміровъ! Боги!» произнесли съ ужасомъ изгнанники. — Да я сынъ Князя Руси! говорилъ съ какою-то, отличительною, скромностію Какмилъ, я сынъ его любви, сынъ его — любимецъ, требующій вашего покровительства. Въ вашихъ непроходныхъ лѣсахъ я потерялъ

дорогу и, если бы я не нашелъ слѣдовъ дѣвицы, тогда бы моя гибель могла быть неизбѣжною: у васъ волки и другіе ужаснѣйшіе ихъ звѣри ходятъ стадами!... Но изъясните и вы мнѣ, почтенные старцы, кто вы такіе, за чѣмъ обитаете въ сей дикой пустынѣ тогда, какъ имѣете сокровище, которое бы могло быть украшеніемъ цѣлому свѣту — вы скрыли его въ ничтожествѣ? — Ахъ! сынъ! моего Князя! вымолвилъ Мирославъ, мы люди позабытые людьми; ты оставь насъ и, я покажу тебѣ путь безопасный! Но прежде того, дай намъ слово, что ты эту встрѣчу съ нами будешь хранить въ вѣчной, не проницаемой тайнѣ.» —

»Какъ, возможно ли это!» вскричала Снѣжана. »Отецъ! ты самъ требуешь того, чтобы насъ онъ оставилъ, ты у меня отнимаешъ его?» — Какмилъ взглянулъ на Снѣжану, можетъ быть, хотѣлъ говорить многое и, произнесъ только: »я не хочу знать вашей тайны и —

никогда васъ не оставлю. Я буду жить при васъ, и — умру вмѣстѣ съ вами въ одной и той, же неизвѣстности, которою вы и теперь живете!...»

— «Что это значитъ Князь!» говорилъ Мирославъ, «ты намъ не понятенъ? какое удовольствіе, какія выгоды тебѣ жить съ изгнанными въ неизвѣстности, съ мертвыми въ могилѣ? — Вы изгнанники?... а кто-бы осмѣлился изгнать Бога изъ сообщества смертныхъ!.. Говорите мнѣ, кто вы? — Князь! ты блуждаешь, отвѣчалъ Мирославъ, между нами нѣтъ Бога, мы вѣруемъ въ боговъ, какъ и вы; одно имя наше тайна. Да и согласись въ томъ, что изгнанники не должны жить съ имянемъ. Мы только люди, вотъ все названіе, котораго еще отъ насъ не отнимали. — Старецъ! прервалъ юноша, ты возраждаешъ мое любопытство! Доскажи мнѣ: не ты ли тотъ Мирославъ, тотъ справедливый и добрый Вишязь, который спасая моего отца, спасъ весь народъ Русскій? Но тогда

зависть оклеветала тебя въ ослѣпленныхъ глазахъ Государевыхъ? Говори мнѣ, ежели ты Мирославъ, то ты опять полѣтишь къ сердцу твоего Князя! Владиміръ раскаялся, онъ тебя ищетъ, онъ наказалъ твоихъ завистниковъ и, готовъ у твоихъ ногъ просить себѣ прощенія.»

»Мирославъ молчалъ и боролся самъ съ собою, тишина и какая-то неизвѣстность царствовали на всѣхъ лицахъ; но вдругъ звукъ охотничьихъ трубъ прервалъ безмолвіе. Большая свита Какмилова съ восхищеніемъ окружила юнаго Князя; удивленіе Снѣжаны было неизъяснимымъ. Надежда возвратиться къ новой жизни родилась въ сердцахъ изгнанниковъ.»

»Какъ, это Мирославъ! это добрый неустрашимый Витязь Мирославъ, спаситель Князя и отчизны!» Вдругъ повторили многіе голоса свиты Какмиловой, узнавшіе Мирослава. »Какъ это ты, мужъ почтеннѣйшій! — Повторилъ также съ восторгомъ и самъ

Какмилъ — ты точно тотъ самый, который спасъ жизнь моего отца, ты, другъ вѣрнѣйшій твоего Государя? Владиміръ сознается въ несправедливости предъ тобою, тебя оклеветавшіе посрамлены, и — если ты требуешъ, то и сынъ твоего Князя у твоихъ ногъ.* »

« Мирославъ тронутый до глубины сердца, въ рыданіи не могъ произнести ни слова; но Снѣжана кинулась на шею Какмила и вскричала: « Добрый юноша! между нами не живетъ злоба: мы простили твоего отца! » —

---

* Мирославъ — говоритъ преданіе — былъ одинъ изъ тѣхъ разумнѣйшихъ, испытанныхъ вѣрныхъ мужей, которыхъ Владиміръ — употреблялъ въ посольство къ разнымъ Европейскимъ дворамъ, для точнаго изслѣдованія разныхъ исповѣданій Вѣры. На войнѣ съ Рогвольдомъ, Княземъ Полоцкимъ, Владиміръ едва не лишился жизни, отъ коварной руки измѣнника; но одинъ изъ любимцевъ его, отразивъ ударъ убійцы, прикрылъ Государя щитомъ и, получилъ за то самъ тяжкую рану. — Можетъ статься, что этотъ любимецъ былъ Мирославъ; а потому-то и Какмилъ назвалъ его спасителемъ жизни своего отца! *Примѣч. Дѣдушки.*

Какмилъ съ восторгомъ прижалъ ее къ сердцу и сказалъ: *дѣвица ты будешь моею!*»

«Витязь примирился съ Государемъ, былъ опять при его дворѣ, былъ осыпанъ щедротами; но ни какъ не соглашался оставаться безотлучно при лицѣ Княжескомъ. Хижина на Мячковскомъ курганѣ для него была всегда милымъ, пріятнымъ жилищемъ и, когда Государь странствовалъ до береговъ Смородинки, то всегда здѣсь навѣщалъ Мирослава и, пользовался благоразуміемъ его совѣтовъ.»

«Какмилъ и Снѣжана получили вѣнокъ брачный и, были счастливы во всю жизнь. Почтенные старцы Мирославъ и Любмила, дождались еще внуковъ отъ своихъ внуковъ; ихъ прахъ покоится на курганѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла ихъ хижина.»

«Теперь уже нѣтъ тамъ ни дремучихъ лѣсовъ, ни цвѣтущихъ лужаекъ; вездѣ полусогнившіе пни и, полупоблеклые кустарники. . . тамъ одинъ

только обнаженный, высокій курганъ напоминаетъ намъ необозримый рядъ временъ минувшихъ!»

Дѣдушка умолкъ; но мы еще все его слушали.

V.

СВАДЕБКИ
И
ПРЕКРАСНАЯ ДОЧКА

Суздальское преданіе.

(Посвящено *С. . .ѣ Н. . .енѣ. . .вой.*)

СВАДЕБКИ
и
ПРЕКРАСНАЯ ДОЧКА.

Когда вы поѣдете отъ Гавриловой слободы* къ Суздалю, то въ правой сторонѣ, посреди чистаго поля, впрочемъ довольно на отдаленной отъ васъ возвышенности, увидите три, или четыре дряблыя, полузасохшія и полузеленыя сосны. — Это тѣ самыя сосны, которыя вплоть отъ Гаврилова до самой станціи—Суздаля, изъ вашихъ глазъ не изчезаютъ. Но я было позабылъ, что вы и сами бывали въ Суздалѣ и что однажды, вмѣстѣ съ Пѣвцемъ *Глафиры* и *Камина*** весьма рѣшительно замѣтили, что сосны, о которыхъ у насъ рѣчь, какъ и куда бы вы

* Иначе Посада, во Владимирской губерніи.

** Княземъ *Иваномъ Михайловичемъ Долгорукимъ*, которой весьма нерѣдко проѣзжалъ здѣсь въ свою Шуйскую деревню.

ни поглядѣли, все передъ вами, *какъ листъ передъ травою.*

Коса времени и рука человѣческая не коснулись и, не касаются еще до сихъ сосенъ. . . Мѣсто, гдѣ ростутъ онѣ, называется *Свадебки;* встарь, какъ говорятъ, имъ придавали эпитетъ: *кровавыя.* »Почему жъ кровавыя?« *спросите вы.* — Потому же, почему и *Свадебки.* Вотъ, что говорятъ о томъ наши древніе пѣснопѣвцы — сказочники: послушайте:

Нѣкогда здѣсь, то есть, подлѣ самыхъ этѣхъ *кровавыхъ свадебокъ* — которыя, впрочемъ, какъ думать надобно, тогда еще не были не только кровавыми; но даже и простыми, обыкновенными свадьбами, потому что тогда не дошло еще до того дѣло — здѣсь, говорю я, находилось капище, или храмъ богини, или нимфы Калисты!... »Калисты!« вы: смѣетесь и спрашиваете. »какъ, и зачѣмъ въ Суздальскую землю залетѣла Нимфа Калиста! Я до сей поры думала, что Калиста Гречанка, или по крайней мѣрѣ Рим-

лянка?» Конечно это не много мудрено; но однакожъ точно такъ было сударыня! Вблизи *свадебокъ* есть даже и селеніе, которое носитъ имя Калисты*; есть и другое подъ Москвою; есть и третье, во Владимірской же губерніи. Я могъ бы — насчитать ихъ до десятка; но возвратимся къ повѣсти. И такъ нѣкогда на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вы видите сосны процвѣтало капище Богини Калисты. Къ этому капищу, или въ это капище приходили многіе изъ нашихъ Суздальскихъ предковъ на поклоненіе и, только въ этомъ капищѣ они клялись въ прочности и въ твердости браковъ и, во всѣхъ другихъ обѣтахъ, относившихся къ семейной жизни. По крайней мѣрѣ такъ говоритъ преданіе.

Какой-то Боляринъ, или воинъ Хоз-лу тогда живалъ здѣсь по сосѣдству. Этотъ Боляринъ былъ сильный, богатый владѣтель, и вы теперь еще найдете память объ его

* Калистово. М.

имени точно также, какъ и объ Калистѣ, въ одномъ изъ названій окрестныхъ селеній* у этого Хоз-лу была *прекрасная дочка:* настоящее имя ея преданіе позабыло; да и нѣтъ въ томъ надобности: довольно съ насъ и того, что она была *прекрасная* дочка. Названіе: *прекрасная,* не есть ли самое лучшее изъ всѣхъ именъ на свѣтѣ? Позволите ли сказать, что вы это чувствуете и по себѣ?... Вотъ, эту-то самую *прекрасную* дочку, по ея любви и по ея желанію, выдавали въ замужство за красиваго добраго молодца. День свадьбы уже былъ назначенъ; оставалось влюбленнымъ только поклясться передъ Калистою въ ея капищѣ, а потомъ супруги стали бы жить да поживать: пошли бы дѣточки, начали бы подростать, хорошѣть и, такъ далѣе и далѣе.

Въ самый день свадьбы *прекрасной* дочки была назначена и еще свадьба, пышная, богатая свадьба страшнаго,

* Урочище Хозлуво преобразованное, послѣдствіемъ, въ село Козлово. М.

усастаго, бритоголоваго Могольца, только съ волосянымъ хохломъ на самомъ темѣ... Я позабылъ его имя; но когда доѣдемъ до Суздаля, то спросимъ объ немъ у всегдашней нашей хозяйки, беззубой старушки: она еще помнитъ его. Этотъ Моголецъ не вѣровалъ въ Калисту, даже смѣялся надъ Ладою и Перуномъ; но здѣсь укротивъ сердце отъ злыхъ насмѣшекъ, онъ пожелалъ сохранить нѣкоторые изъ свадебныхъ обрядовъ той земли, въ которой оставался и гдѣ, можетъ быть, надѣялся съ милою туземкою основать осѣдлость въ своей бродящей жизни.

Свадьба Могольца совершилась прежде свадьбы *прекрасной* дочки, и онъ уже, возвращаясь съ новобрачною и со всѣми обычаями *новобрачныхъ*, слѣдовалъ чрезъ темную зеленую дубраву, по узкой и негладкой дорожкѣ въ сосѣдство Болярина Хо-злу, гдѣ было и его жилище. Въ дубравѣ встрѣтилъ онъ свадебный поѣздъ *прекрасной* дочки! — Чудо!

дорога такъ узка, что не было никакой возможности ни той, ни другой сторонѣ уступить другъ другу мѣста, а между прочимъ какъ той, такъ и другой сторонѣ хотѣлось взять первенство... Пошла перебранка, драка и Моголецъ, раздраженный упорствомъ горделиваго поѣзда Болярскова, первый обнажилъ свой булатъ, и первый поразилъ имъ самаго набольшаго изъ провожатыхъ *прекрасной* дочки. Неожиданное убійство завязало престрашное дѣло между обоими свадебными поѣздами: взвились копья, засвистали стрѣлы, заблистали булаты и — едва ли было не менѣе того времени, которое употребилъ я на разсказъ этой повѣсти, какъ уже и мужья, и жены, и женихи, и невѣсты — все содѣлалось добычею смерти: кровавая рѣка потопила тѣла убитыхъ и ни малѣйшаго дыханія жизни здѣсь уже не существовало!

Долго, долго бѣдный Хоз-лу ожидалъ возвращенія своихъ новобрач-

ныхъ. Наступила темная ночь, прошла темная ночь, — и первые лучи солнца, на слѣдующій день, встрѣчены несчастнымъ старцемъ при тѣлахъ бездыханныхъ! Христіанскій пустынникъ объяснилъ ему страшную для него загадку и—Боляринъ, какъ увѣряютъ дѣды, не пережилъ своего горя.

Вотъ съ котораго времени и, вотъ отъ чего, это страшное мѣсто приняло названіе *кровавыхъ свадебъ!* Сосны уцѣлѣвшія еще отъ большаго, не проходимаго дремучаго лѣса, суть вѣрныя указательницы мѣста убіенныхъ! Сихъ сосенъ неизтребило время: онѣ ростутъ на могилахъ, онѣ заклятыя рости тутъ вѣчно! Въ позднее время, еще и до сей поры, простодушный крестьянинъ невольно трепещетъ, приближаясь къ памятникамъ *кровавыхъ свадебъ* и *прекрасной дочки!*

„Конецъ сказкѣ?„ спрашиваете вы. — Конецъ, сударыня; но въ Суз-

далѣ, на квартирѣ я вамъ раскажу другую; тамъ мнѣ поможетъ наша знакомая бабушка! . . . Вы засмѣялись и, я доволенъ: всѣ ужасы кровавыхъ браковъ вами забыты.

VI.

СИРОТА АНИСЬЯ.

Внучка Марфы Посадницы.

Изъ Новогородскихъ народныхъ преданій.

СИРОТА АНИСЬЯ.

„М. к. въ, ты любишь свое родное,“ сказалъ мнѣ пріятель С...въ* и, между прочимъ, вѣрно не одинажды прочелъ историко-романическую повѣсть о Посадницѣ Новогородской, изданную незабвеннымъ Карамзинымъ?“ — Какое сомнѣніе! — отвѣчалъ я — но эта повѣсть и безъ эпитета: *Историко-Романическая*, есть истинно образцовая въ своемъ родѣ; написана прекрасно, и—что всего лучше — съ самыми близкими подробностями къ настоящему дѣлу: тутъ всѣ лица въ своихъ костюмахъ и годы повѣствовательной сущности не въ разбродѣ. У Карамзина столѣ-

* Кто читалъ *Журналъ Пѣшеходцевъ*, тому знакомо имя С...ва (И. В. Смрнв.) добраго пріятеля и неразлучнаго моего спутника по Царству Русскому. М.

тія не прыгаютъ, а идутъ всегда по очереди. —

»А знаешъ ли ты, что мы теперь стоимъ противъ того самаго мѣста, на которомъ нѣкогда красовался высокій теремъ Марфы Посадницы?« воскликнулъ мой Историкъ. — Можетъ быть. Но домъ знаменитой Марфы, по ея смерти, опустошенъ на вѣки вѣковъ и славный родъ Борецкихъ погибъ вмѣстѣ съ республикою Новогородскою. — »Такъ, такъ, мой другъ! это вѣрность историческая. Но тогда, какъ Іоаннъ обезглавилъ шестерыхъ Посадниковъ Новогородскихъ*; тогда, какъ Марфа погибала на эшафотѣ: здѣсь, въ ее домѣ, все предавалось мечу, грабежу, огню. Впрочемъ и, между трупами, въ этомъ же домѣ, было еще живое существо: я говорю о мла-

---

* Такъ говоритъ Исторія; а Св. Зосима, (какъ повѣствуетъ житіе сего Угодника), приглашенный къ торжественному обѣду Посадницы, имѣлъ *видѣніе*, что они *еще и до казни* были обезглавленными. М.

денцѣ Анисьѣ Савеловой, сиротѣ безпріютной, шестилѣтней воспитанницѣ дома Борецкихъ. Она — послѣ матери, урожденной Борецкой — оставшись сиротою и лишенная отца, умершаго на торговлѣ въ *Нѣмцахъ*, была призрѣна только великодушіемъ своей бабушки, Марфы. . .»

Я помню эту нянькину сказку, — возразилъ я — и очень помню, какъ эта дѣвочка Анисья, окровавленная убитыми и пробираясь между ихъ тѣлами встрѣтила также существо живое: какого-то великодушнаго Новогородца Матвѣя Салтыка, Сановника въ службѣ Іоанновой. Салтыкъ взялъ дѣвочку на руки, оградилъ ее крестомъ и — дѣвочка, прижавшись къ сердцу втораго отца, какъ умѣла, поребячески; но разсказала ему все, что было и — даже не позабыла домолвить о страшномъ видѣніи Св. старца Зосимы. . . . —

«Точно, точно такъ!» подхватилъ мой пріятель: «и Салтыкъ вскормилъ Анисью для того, чтобъ ее полюбилъ

сынъ его, Димитрій, и чтобы бѣдная сиротинка содѣлавшись невинною жертвой этой любви, была какъ преступница: заточена (по опредѣленію: на вѣки) въ одномъ изъ монастырей Рязанскихъ на Окѣ, гдѣ-то въ старой Рязанѣ. Тамъ страдала Анисья и — жила только молитвою. . .

«И вдругъ, однажды, какъ говоритъ преданіе, въ темную осеннюю ночь, на огонекъ кельи, пристаетъ къ Рязанскому берегу Новогородская лодка. Хозяинъ лодки былъ Димитрій Салтыкъ! Бѣдняжка какъ-то дознался о мѣстѣ заточенія своей возлюбленой и презирая всѣ родительскія угрозы, гнѣвъ Княженецкій и даже ужасъ отъ свирѣпствовавшей тогда какой-то заразы, ушелъ въ Москву; а изъ Москвы съ вѣрными Новогородцами— удальцами, бывшими тамъ для торговаго промысла, приплылъ въ Старую Рязань. Онъ соколомъ выскочилъ на крутой берегъ, разбилъ и выломалъ окно въ кельѣ, вошелъ въ нее и — вынесъ къ лодкѣ почти бездыханную затворницу, несчастную дѣвицу.

»Быстро неслась лодка противъ струй Оки въ обратный путь. Удальцы Новогородскіе махали веслами богатырски; разсвѣтъ засталъ Димитрія на Казарскомъ* перевозѣ и — кпюжь былъ вмѣсто Анисьи? — Татарка *плѣнница-чародѣйка,* содержавшаяся Рязанцами за важное преступленіэ въ монастырѣ Старо-Рязанскомъ**. Она была, какъ я сказалъ уже, чародѣйка; но была и прекрасна. Дииитрій, позабывъ Анисью смѣло явился на глаза своихъ родителей съ супругою — Княжною Татарскою.

»Но прошли годы и вдругъ является въ Новѣ-городѣ Игуменья, Схимница-Праведная. Она пророчествуетъ, изцѣляетъ, знаетъ разумъ книгъ *небесныхъ,* помогаетъ больной супругѣ Димитрія, открываетъ себя и —

---

* Ближе къ *Новой Рязани.* Онъ ожидаетъ еще большой разгадки отъ нашихъ Архіологовъ.

** Во времена Іоанновы, какъ увѣряютъ сказочники, была привезена въ невѣсты Князю Рязанскому (?) Татарка-красавица; но за ругательство надъ Святынею заточена въ монастырь. (?)

Димитрій узнаетъ въ ней Анисью, внуку Марфину.

»Въ пятьдесятъ лѣтъ разлуки, свидѣтельствуютъ Новогородскіе сказочники, Анисья ни мало не измѣнилась: она была все такая же красавица, какъ и на осмнадцатой веснѣ своей. Святая чудесная дѣва! Увидѣвши ее, Димитрій окаменѣлъ и — сей *камень* долго существовалъ на одномъ распутьи отъ стороны Рязанской къ Волхову подъ именемъ *Димитріева камня.*

»Что послѣ сдѣлалось съ семействомъ Дмитрія — не знаю. Но обращаюсь опять къ его камню. Другое преданіе говоритъ, что сей камень послужилъ надгробіемъ *вѣчной красавицѣ* Анисьѣ. Эта могила вотъ здѣсь,« домолвилъ С. . . въ, указавъ мнѣ на одинъ изъ ближайшихъ церковныхъ погостовъ.« Тѣмъ и кончился родъ Борецкихъ!«

»Вотъ матеріалы для большаго романа; но гдѣ же у насъ тѣ Валтеръ-Скотты, которыя могли бы волшеб-

нымъ перомъ описать *звѣзду небесную,* умную, прекрасную и *грамотную* внучку Марфину? »

» И этого на первый случай довольно! »—сказалъ я, крѣпко пожавши руку у добраго моего С. . . ва, и — повелъ его къ себѣ на квартиру.

VII.

ФИЛИППЪ ЩЕТИНИНЪ

И

МАДЛЕНА ТАРНОВСКАЯ.

(Посвящен. Княгинѣ З. А. Волконской.)

ФИЛИППЪ ЩЕТИНИНЪ
и
МАДЛЕНА ТАРНОВСКАЯ.*

Во время младенчества Царя Іоанна Васильевича Грознаго, Король Польскій будучи разбитъ Русскими войсками, поклялся ненавидѣть Царство Московское, всегда готовое противустать ему и побѣдить его; онъ твер-

* Въ старыхъ бумагахъ, доставшихся мнѣ по смерти одного изъ друзей моихъ, С. И. Кр. к. ва, я нашелъ между прочимъ и сію повѣсть, написанную весьма просто; но обезображенную рукою времени. Названіе ее слѣдующее: „*О томъ, что случилось и приключилось съ Мадленою* (сирѣчь: *Магдалиною*) *дочерью дѣвицею Ивановою Пана Тарновскаго и о томъ, какъ онъ Панъ Иванъ прощалъ ее и какъ Паны Поляки все вцъ были въ ненависти противу Руси.*“ Такимъ обрезомъ я переписавъ сію повѣсть, рѣшился нѣсколько исправить ее въ слогѣ и напечатать къ удовольствію нѣкоторыхъ любителей отечественныхъ былей. М.

до вознамѣрился отмстить Русскимъ за нанесенное ими пораженіе Полякамъ и для того, собравъ вторично разсѣянные свои полки, поручилъ ихъ предводительству Гетмана Тарновскаго.*

---

* „Когда невступно пятилѣтній младенецъ (Царь Иванъ Васильевичь Грозный) держалъ въ рукахъ своихъ скипетръ и державу пространныя Россіи, тогда, издревле враждующія Польша и Литва надѣялись младенчествомъ сего Государя воспользоваться и отторгнуть отъ Россіи многія мѣста, которые давнымъ давно уже находились въ ея владѣніи. Король Польскій, поклявшись мщеніемъ Россіи, въ слѣдующемъ 1535 году паки послалъ на оную войска свои подъ предводительствомъ Литовскаго Гетмана Ивана Тарновскаго, и другихъ начальниковъ; они вошедъ въ Россію, взяли городъ Стардубъ и жителей его: иныхъ плѣнили, а иныхъ лишили жизни, и не продолжая болѣе своихъ успѣховъ, возвратились въ отечество, гдѣ также и Россійскіе войска производили тоже, что и Поляки въ Россіи? (*Нехачинъ въ Нов. Ядр. Рос. Ист.*)

Миръ Поляковъ съ Русскими не могъ быть прочнымъ; но однако, всякой разъ, когда заключали его, Русскіе плѣнники неоставались у Поляковъ, а Поляки у Русскихъ. Въ 1547 году; когда Царь Иванъ Васильевичь дѣйствительно принялъ корону и правленіе Го-

Сей полководецъ, безъ всякаго объявленія войны, ворвался въ Россію и взялъ приступомъ Городъ Стардубъ; тамъ произвелъ онъ ужасныя неистовства!

Нещастные жители Стардуба достались въ жертву неописанныхъ поруганій: многіе изъ нихъ были тирански лишены жизни; другіе закованы и отведены въ неволю, словомъ: тутъ произведено было звѣрство необъяснимое. — Но я не смѣю и не могу изображать всего, какъ ругались Стардубцами раздраженные Поляки!

Въ числѣ плѣнныхъ, доставшихся на часть Тарновскаго, былъ нѣкто Филиппъ Щетининъ, прекрасный юноша, послѣдняя отрасль одной изъ лучшихъ Русскихъ Боярскихъ фамилій.— Филиппъ во время сего жестокаго

сударства, тогда вступленіе Его на Всероссійскій престолъ почтено было разными Посольствами; многіе коренные враги Русскіе на сіе время смирились и Грозный былъ признанъ Царемъ и Самодержцемъ. *Кн. Хилковъ, Татищевъ, Кн. Щербатовъ* и другіе.

нападенія лишился двухъ братьевъ; они пали за вѣру и вѣрность на поляхъ чести, и наконецъ самъ Филиппъ, обороняясь, съ большею храбростію, отъ многочисленой толпы вооруженныхъ Поляковъ, вынужденъ былъ уступить превосходству силъ и отдаться въ плѣнъ, единственно для того, чтобъ сохранивъ жизнь, быть еще нѣкогда полезнымъ ею отечеству. — Одна юность и красота могли спасти Филиппа отъ жестокости непріятелей: онъ былъ представленъ начальнику Польскихъ войскъ, Тарновскому, и также, какъ другіе плѣнники, въ оковахъ посланъ въ Литву.

Пламя войны угасло. Поляки опять уступили храбрости Русскихъ и со стыдомъ отошли къ своимъ границамъ. Плѣнники размѣнены; Филиппъ оставался въ неволѣ. Тарновскій утаилъ его и не хотѣлъ уступить ни за какія сокровища; онъ былъ для него наградою за всѣ оказанные имъ на брани подвиги, а также и предметомъ ужаснаго мщенія, какъ мы увидимъ изъ послѣдствій.

Филиппъ до нѣкотораго времени былъ заключенъ въ темницу, находившуюся въ одномъ изъ помѣстьевъ Тарновскаго, и его неволя была совершенною неволею; испытывая всю тягость жестокаго рабства: голодъ, трудные работы, онъ страдалъ какъ злодѣй; и за что?— За то, что отецъ Филипповъ нѣкогда нанесъ глубокую рану чрезмѣрному честолюбію Тарновскаго: былъ его побѣдителемъ. Оскорбленная гордость Вождя Польскаго давно уже дышала мщеніемъ противъ фамиліи Щетининыхъ, пострамительницы его подвиговъ, его славы—и вотъ случай насытить это мщеніе. Тщетно Русскіе Бояре посылали съ требованіями о выдачѣ имъ Филиппа Щетинина; все было безуспѣшно. Иванъ Тарновскій отвѣчалъ, что онъ у себя его не имѣетъ; что, можетъ быть, требуемый сынъ Боярской погибъ на поляхъ бранныхъ, или, можетъ быть, не сохранивъ твердости геройской въ своей груди, скрылся, и отъ стыда не возвращается въ отечество.

Замокъ, въ которомъ содержался несчастный плѣнникъ, находился на берегу Вислы и былъ окруженъ прекраснымъ романическимъ мѣстоположеніемъ, смотря на которое чрезъ маленькое отверстіе темницы, Филиппъ утѣшался зрѣлищемъ Природы и въ гимнахъ умолялъ Творца Небеснаго о ниспосланіи себѣ крѣпости и терпѣнія. Иногда окончивъ дневныя работы, несчасливецъ встрѣчалъ пріятныя зори вечернія унылою пѣснію Рускою и голосъ его разливался по лѣсамъ и полямъ; по горамъ и долинамъ. Продолжительно было горестное плѣнничество его и долго страданія свои ввѣрялъ онъ только — безмолвію; но вдругъ Провидѣніе обращаетъ на него благотворный взоръ и Филиппъ нашелъ Ангела-утѣшителя, Небеснаго посланника, которой въ одно мгновеніе перемѣнилъ унылую жизнь его на жизнь райскую.

Мадлена, единственная дочь Ивана Тарновскаго, прекрасная, добрая,

чувствительная, прогуливаясь однажды подлѣ темницы Филипповой, услышала пѣсню, она унылымъ напѣвомъ коснулась ея сердца. — Медленно прошла Мадлена нѣсколько разъ по одному и тому же мѣсту, невольно останавливалась подъ отверстіемъ, находившимся въ темницѣ страдальца, съ удовольствіемъ слушала жалкіе тоны, изливаемые въ сладостномъ его голосѣ, и не могла понять, не могла постигнуть того волшебнаго дѣйствія, которое онъ вдругъ произвелъ надъ нею.

Поздно уже было, когда она возвратилась въ свою комнату и предалась сладостнымъ меланхолическимъ мыслямъ, слѣдствіемъ которыхъ былъ плѣнительной сонъ, представившій ей разныя очаровательныя мечты; многое, очень многое она видѣла во снѣ; но главную ролю въ немъ занималъ безпрестанно таинственный голосъ. Рано пробудилась Мадлена и тщетно разспрашивала своихъ вѣрныхъ комнат-

ныхъ дѣвушекъ о пѣвцѣ — преступникѣ, заключенномъ въ страшныхъ стѣнахъ отцовскаго замка. Никто не могъ дать ей рѣшительнаго отвѣта. Однѣ говорили, что между прочими заключенными содержится въ крѣпости нѣкоторый извергъ *ужасный*, покушавшійся неоднократно на драгоцѣнную жизнь ея отца. »Душевно желаемъ,« повторяли другія, »чтобы всѣми любимая нами Панна не повстрѣчала гдѣ-нибудь сего звѣрскаго вида: это чудовище безобразное, лютая гіенна!« Третьи еще увѣряли, что то была одна только мечта разгоряченнаго ея воображенія. Но никто, повторю я, никто не могъ ей дать ясной подробности, ибо тайна заключеннаго была извѣстна одному Ивану Тарновскому и нѣкоторымъ изъ самыхъ его ближнихъ. Надобно сказать, что когда привезли Щетинина въ замокъ, тогда не было еще тамъ владѣльца; къ томужъ и заключеніе происходило во время глубокой полуночи. Слѣдовательно за-

мѣчательнѣйшія достовѣрности о пѣснѣ, слышанной Мадленою, основывались на мечтѣ, произведенной разгоряченнымъ воображеніемъ: и всѣ согласились съ тѣмъ; только сердце прекрасной дочери Тарновскаго не было довольнымъ. Мадлена, по какому-то неизъяснимому побужденію, старалась опять узнавать о подробностяхъ истинны.

Время было прекрасное и предлагало Мадленѣ каждой день тѣ же пріятныя прогулки, которыми она любила наслаждаться, и которыя обыкновенно простирались не далѣе *Таинственной* башни. Любопытство возрастало; сердце требовало объясненій и утѣшало себя не мечтами; но всегда однимъ и тѣмъ же сладкимъ голосомъ, который раздавался въ башнѣ. Неоднократно Мадлена намѣрена была поговорить о любопытной для нея тайнѣ съ отцемъ, рѣшалась спросить его и не спрашивала. Какое-то необыкновенное волненіе духа, какой-то непостижимый трепетъ ее удер-

живали. И такимъ образомъ надежда къ открытію тайны совершенно угасла въ душѣ красавицы. Тарновскій былъ вѣчно мраченъ, угрюмъ и этото еще болѣе обезоруживало не смѣлую предпріимчивость его дочери.

Но вдругъ, однажды, пѣсня раздалась не въ дальнемъ разстояніи отъ Мадлены; она оглянулась и сквозь малое отверстіе въ крѣпостной стѣнѣ легко могла замѣтить молодаго, прекраснаго человѣка, покрытаго рубищемъ и въ оковахъ. Онъ работалъ во внутренности ограды и пѣлъ. Мадлена подошла еще ближе къ отверстію, начала разсматривать его прилѣжнѣе и слезы сострадания покатились изъ черныхъ ея глазъ. Невольникъ, казалось ей, былъ изнуренъ тяжкою грустью, муки его были ужасны; а невинность и добродѣтель блистали во всѣхъ чертахъ его лица. «Какъ онъ пріятенъ и какъ онъ жалокъ!» говорила Мадлена: «бѣдной ты человѣкъ! Но чѣмъ я помогу тебѣ?» Такъ соболѣзновала, разсуждала и

утѣшала себя любопытная дочь Тарновскаго. Но утѣшеніе въ семъ открытіи не могло быть для нее продолжительнымъ: молодой человѣкъ поднялъ отпадшій отъ стѣны кирпичь и вложилъ его въ отверстіе. Рѣшительная Мадлена вытолкнула кирпичь, посмотрѣла еще въ крѣпость; но уже прекраснаго невольника не было: его опять заключили въ башню. Съ растроганными чувствами, съ мыслями полными образомъ милаго страдальца, дѣвица возвратилась въ палаты отцовскія; другое уже безпокойство таилось въ душѣ ея; она узнала плѣнника, но теперь хотѣла знать причину его страданій.

Тихими шагами подошла Мадлена къ кабинету отца, хотѣла отворить дверь; но не знакомый голосъ остановилъ ее. «Онъ вставилъ камень» — такъ произнесъ кто-то въ кабинетѣ — «но чрезъ нѣсколько минутъ камень опять отпалъ; часовой, стоявшій на оградѣ, божился, что видѣлъ женщину, которая нѣсколько разъ

подходила къ стенѣ; онъ видѣлъ также, какъ она выпалкнула вторично приставленный камень.... « А до того времени,—прервалъ Тарновскій—не смотрѣла ли эта женщина въ отверстіе и не подавала ли какихъ либо знаковъ калоднику? — «Думать надобно,» отвѣчалъ незнакомецъ. Для чегоже часовой не стрѣлялъ по ней? — Вскричалъ съ горячностію Тарновскій. «Часовой оплошалъ, женщина скрылась,» молвилъ неизвѣстный.— И ты не наказалъ этаго негодяя? — спросилъ опять Тарновскій, приходя отъ часу въ большее бѣшенство. «Его рѣшили,» проговорилъ съ равнодушіемъ доносщикъ «пуля отправила его въ общій пріютъ; тамъ, можетъ быть, онъ уже перемѣнилъ свою должность и вмѣсто соглядатая за колодникомъ надзираетъ уже только за колодой!... «Мадлена затрепетала.» Да... мы погибнимъ; погибнимъ всѣ, — замѣчалъ Тарновскій — если Король узнаетъ, что здѣсь утаиваютъ...— Мадлена не могла разслушать, кого

наимяновалъ отецъ ея. »Его Величество — продолжалъ онъ насмѣшливымъ тономъ — Его Польское Величество теперь находится въ добромъ согласіи съ Россійскою Державою и всякая обида, всякое притѣсненіе съ той, или съ другой стороны должны прекращаться не иначе, какъ смертію того, кто нарушитъ спокойствіе взаимно твердаго союза: мы погибнемъ, если эта проклятая женщина что нибудь разболтаетъ, да и мое мщеніе потеряетъ всю силу. Тарновскій Полякъ душею, онъ былъ непобѣдимъ; но Щетинины — такъ продолжалъ полководецъ — нѣкогда заставили меня просить у себя пощады: эта ужасная обида не изцѣлимо поразило мое сердце. Съ сего времени жизнь Щетинина навсегда будетъ памятникомъ униженія славы и заслугъ именитаго рода Тарновскихъ! — Почти правда, »опредѣлилъ незнакомый.« Но, однакожъ, намъ не должно терять надежды; я клянусь, что любопытная тварь и еще

не замѣдлитъ посѣтить отверстія. — Вотъ тогда то ей пулю въ лобъ: и конецъ дѣлу.» — Такъ, мой другъ! — пробормоталъ нѣсколько успокоившись Тарновскій — но никто, кромѣ меня, не долженъ быть сего исполнителемъ, только мнѣ самому должны быть извѣстны всѣ подробности настоящаго дѣла... — Разговоръ продолжался гораздо тише, Мадлена не могла болѣе ничего слышать; съ трепетомъ возвратилась она въ свою комнату и жестокій обморокъ лишилъ ее чувствъ. Скоро все пришло въ волненіе; самъ Тарновскій, удивленный и огорченный сею неожиданностію, оставилъ всѣ замыслы и — старался только помогать дочери.— Слѣдствіемъ ея обморока была горячка.

Къ причинѣ болѣзни Мадлениной относили простуду; но однакожъ, неизвѣстно почему, а Иванъ Тарновскій внутренно былъ недоволенъ такимъ мнѣніемъ, онъ начиналъ подозрѣвать дочь свою въ чемъ-то непонятномъ;

казалось, что онъ, время отъ времяни, догадывался объ участіи принимаемомъ ею въ нѣкоторыхъ изъ его сокровенностей; онъ догадывался, и съ тѣмъ же вмѣстѣ, весьма скоро уничтожалъ всѣ свои подозрѣнія. Мадлена выздоровѣла; но Щетининъ уже давно былъ перемѣщенъ изъ крѣпости въ другое мѣсто; женщина, неизвѣстная Тарновскому и его приставамъ, болѣе не являлась....

И въ самомъ дѣлѣ, Мадлена опасаясь запальчивости отца не прогуливалась болѣе вокругъ ограды, не смѣла, по прежнему, разспрашивать о таинственномъ незнакомцѣ, и, старалась только завабыть милые черты лица его. Но противъ желанія кто забудетъ любимое? онѣ съ силою и быстротою молніи поразили ея сердце; онѣ оставили въ немъ впѣчатлѣнія вѣчныя; для ней неизвѣстныя; да, Мадлена не понимала сего и хотѣла приписать ихъ только дѣйствію сострадательности, думая не о томъ, что эта же сострадательность могла со

крывать въ себѣ еще и такое чувство, которое могло быть свыше всѣхъ чувствъ въ свѣтѣ. . .

Прошло нѣсколько времени и Тарновскій съ друзьями, какъ уже сказано, никакъ не могъ открыть неизвѣстной женщины, причинявшей имъ столько безпокойства, онъ пересталъ о ней мыслить и почти забылъ ее — если только могутъ позабывать что нибудь подобное, сердца исполненные злобы? Прекрасный садъ, всегда привлекательный своимъ пріятнымъ разнообразіемъ принадлѣжалъ къ замку Тарновскихъ; онъ былъ новымъ мѣстомъ прогулокъ Мадлениныхъ. Въ немъ-то, при величественномъ восхожденіи солнца, или при тихомъ его закатѣ, или при блѣдномъ, меланхолическомъ свѣтѣ луны, Мадлена, любила слушать мелодическое пѣніе птицъ, гармоническое журчаніе источниковъ, а иногда также любоваться и забавными скачками рыбъ, играющихъ въ зеркальныхъ прудахъ и чистыхъ водопадахъ. Не рѣдко самъ угрюмый и

строгій отецъ ея любилъ прогуливаться вмѣстѣ съ нею и утѣшать ее разными сельскими играми, нарочно придуманными для нея въ саду; но Мадлена не утѣшалась ими, или по крайней мѣрѣ то шумное общество, которое сопровождало ее отца, не могло быть для нея пріятнымъ. Ахъ! меланхолія любитъ одиночество, любитъ безъ свидѣтелей питать себя очаровательными мечтами пламеннаго воображенія, ловить ихъ, наслаждаться, жить ими!

Однажды Тарновскій былъ потребованъ ко Двору; Мадлена должна была оставаться въ замкѣ. Тарновскій, за скоростію отъѣзда, не успѣлъ исполнить своихъ распоряженій. Мадлена дышала свободою; но и эта свобода ограничилась однѣми и тѣми же прогулками. Тотчасъ, по отъѣздѣ отца, она пошла въ садъ, долго ходила по его аллеямъ и наконецъ въ одной изъ бѣсѣдокъ, кинувшись на скамѣйку, по обыкновенію, предалась всѣмъ мечтаніямъ своего пылкаго воображе-

нія. Округъ ее все было тихо; но вдрухъ тишина назрушилась тѣмъ же самымъ волшебнымъ голосомъ, который за нѣсколько времени предъ симъ поражалъ Мадлену вблизи ограды. Изумленная такою неожиданностію, она не могла тронуться съ мѣста, и оставалась недвижимою.

»Кто онъ таковъ?« думала она: »для чего онъ заключенъ въ крѣпость, и какъ очутился здѣсь? что онъ за человѣкъ?« Такъ размышляя, съ трепетомъ вскочила она съ мѣста. Ей казалось, что голосъ еще не умолкалъ; она вслушивалась прилѣжнѣе, внимательнѣе и ничего не слыхала — ничего немогла постигнуть наконецъ осматривая каждой уголокъ бѣсѣдки, она вышла изъ нее, опять вошла и все еще не могла ничего замѣтить такого, чтобы ей могло послужить къ удовлетворенію ея любопытства.

Самая мрачная ночь покрыла уже горизонтъ; часовые вездѣ начали подавать голоса другъ другу. Унылый звонъ отъ нестройнаго било* медлен-

* Желѣзный обручь замѣнявшій мѣсто колокола.

но отзывался на каждой изъ башенъ, Мадлена спѣшитъ возвратиться; но черная грозная туча понеслась надъ окрестностями замка; раздался громъ; удары его вторились безпрестанно; яркій блескъ молніи сопровождалъ ихъ; поднялась страшная буря съ ужаснымъ вихремъ и наконецъ дождь хлынулъ рѣкою. Бѣсѣдка находилась въ отдаленіи отъ замка и Мадленѣ не было другаго средства укрыться отъ застигшей ее непогоды, какъ остаться въ той же самой бесѣдкѣ, въ которую зашла она. Темнота отчасу усугублялась а съ нею вмѣстѣ умножался и трепетъ въ душѣ Мадлены. Она пала на колѣни и съ сокрушеннымъ сердцемъ излила молитвы предъ Всевидящимъ. Наконецъ дождь прошелъ; служители замка съ факелами бросились отыскивать Мадлену по саду; она хотѣла подать голосъ; но едва переступила за порогъ, какъ вдругъ еще грянулъ страшный ударъ грома и зажегъ ближайшее предъ нею дерево; она упала безъ чувствъ.

Горевшая сосна скоро привлекла къ себѣ всѣхъ садовыхъ сторожей и служителей замка. Тщательно старались они утушить огонь, не допускали его распространиться и спасали садъ; но вдругъ въ то же время увидѣли безъ чувствъ лежащую Мадлену. »Она убита,« говорили одни: еще жива — утверждали другіе, и такимъ образомъ, полумертвою, внесли ее въ замокъ.

Сіе произшествіе немедленно разнеслось по всему селенію и многіе уже почитали Мадлену умершею. Вѣрные слуги Ивана Тарновскаго тотъ же часъ съ подробнымъ описаніемъ случившагося послали къ нему нарочнаго. На слѣдующее утро больная пришла въ чувство; лѣкарь ручался за ея жизнь и въ замкѣ опять все покойно. Тарновскій не замѣдлилъ возвращеніемъ; но пришедши въ комнату больной дочери, онъ хотѣлъ показаться довольнымъ. Однакожъ не взирая на то, что шутилъ, смѣялся, притворялся разсѣяннымъ, печать злобы очень явно напечатала себя во всѣхъ его шуткахъ и

даже въ смѣхѣ; притворная разсѣянность не имѣла удачи: всякой могъ замѣтить, что отецъ былъ чрезвычайно недоволенъ произшествіемъ, случившимся съ его дочерью и — когда онъ оставилъ Мадлену: то первою его заботою было заключить въ новую неизвѣстность Щетинина. »Моя дочь опять слышала этаго проклятаго пѣвца—такъ я думаю!...« говорилъ Тарновскій одному изъ вѣрныхъ слугъ своихъ. »Нѣтъ я ручаюсь за то,« отвѣчалъ сей послѣдній.— »Панна Мадлена потеряла проклятаго пѣвца изъ виду. »Ты ручаешся!« вскричалъ Тарновскій: »Но ты поручишся ли мнѣ за то, что есть на свѣтѣ твари, которые могутъ быть любопытнѣе женщинъ; — а моя дочь женщина!« Она женщина! — возразилъ съ важностію слуга. — Но эта женщина воспитана во всей строгости законной: правила вашей дочери самые наилучшія. . . — »Знаю, я все очень знаю!« прервалъ Тарновскій. »Ты мастерски льстишъ моему честолюбію и въ особенности

тогда, какъ я лично требую отъ тебя отчетовъ.« — Вошли другіе слуги и также опасаясь строгости своего властелина, подтверждали слова, сказанные ихъ товарищемъ; но однакожъ, не взирая и на всѣ доказательства ихъ неусыпности, Тарновскій все бы еще не вѣрилъ имъ; еслибы сама Мадлена не перестала развѣдывать о таинствѣ, для нея непостижимомъ. — Чрезъ нѣсколько времени послѣ того она совершенно выздоровѣла и начала опять свои любимыя прогулки.

Наступила осень; погода перемѣнялась — дожди были несносны; но на то утро, когда Мадлена пришла въ бѣсѣдку съ рѣшительнымъ намѣреніемъ открыть всѣ ея таинственности, то — утро, говоритъ лѣтописецъ, было прекрасное. Долго всѣ ея старанія были тщетными. Она неоднократно стучала ногами въ разныхъ мѣстахъ бѣсѣдки; неодноуратно осматривала все то, что ей казалось нѣсколько подозрительнымъ и наконецъ

коснувшись нечаянно до стѣны, съ лѣвой стороны отъ входа, ей удалось замѣтить пружину, весьма искусно придерживающую потаенную дверь; собравши всѣ силы, однимъ ударомъ она отворила ее и увидѣла сходъ въ подземелье; лѣстница ведущая внизъ, терялась въ долгомъ, узкомъ и темномъ корридорѣ. Твердость была руководительницею Мадлены; сошедши въ корридоръ; но опасаясь подозрѣній, которыя бы легко могли имѣть непріятныя послѣдствія, она возвратилась, затворила дверь и опять спустилась въ подземельѣ — темнота была ужасна. Здѣсь, Мадлена, шла ощупью; но наконецъ, примѣтивъ весьма слабой свѣтъ, которой, казалось ей, происходилъ изъ боковой пещеры, она остановилась. Должно было испытать еще нѣсколько непріятностей: ибо сходъ въ пещеру былъ такъ низокъ и узокъ, что едва можно было пробраться ползкомъ. Лампада стоявшая на худомъ деревянномъ столѣ, освѣщала всю сцену,

подлѣ стола молодой человѣкъ, образъ самой смерти, лѣжалъ на гнилой соломѣ — сонъ и слабость его отяготили.

Тихо Мадлена подошла къ незнакомцу, и въ чертахъ лица его легко могла узнать того самаго несчастливца, котораго, за нѣсколько времени предъ тѣмъ, видѣла чрезъ отверстіе ограды; мертвая блѣдность еще не могла истребить въ немъ пріятностей и ангельской невинности. Тронутая до глубины сердца и по природному влеченію къ добродѣтели, Мадлена едва только хотѣла, взявъ его руку разбудить и узнать вину страданій, а ежели возможно, то облегчить ихъ, какъ вдругъ слова, произнесенныя имъ во снѣ ее остановили. Сначала она не поняла ихъ; но незнакомецъ еще повторилъ одно и то же, и вотъ уже весьма ясно можно было разслушать слѣдущее:

„Другъ невинности, ты спасешъ меня!... „ Онъ спасетъ тебя! — вос-

кликнула Мадлена, будучи не въ состояніи удерживать стремленій чувствительнаго сердца. Молодой человѣкъ открылъ глаза, приподнялся и палъ къ ногамъ своей посѣтительницы. »Кто ты?« спросилъ онъ: не ты ли ангелъ смерти тѣхъ праведныхъ, которые, подъ благословеніемъ руки твоей, безъ трепета вступаютъ во врата лучшей жизни? Такъ точно, ты ангелъ смерти праведныхъ! Моя молитва достигла небесъ незримыхъ, и я не трепещу уже видѣвши тебя предъ собою!« — Я Ангелъ жизни — отвѣчала Мадлена. — Я Ангелъ, ниспосланный съ небесъ для твоего спасенія! Отвѣчай мнѣ, кто ты? Какое преступленіе помрачаетъ весну твоихъ дней? говори мнѣ, чья рука дерзнула тебя наказывать?... — »Я Русской воинъ!« произнесъ со вздохомъ юноша: »Князья Щетинины были предками моего отца, но мой прадѣдъ потерялъ титло Князей... Вѣра въ Бога и вѣрность отчизнѣ — вотъ вина моихъ злополучій! Иванъ

Тарновскій — мой мучитель; онъ мститъ мнѣ за моего отца, своего побѣдителя во время славной битвы Россіянъ съ Литвою; тогда посрамленный Панъ Польскій съ униженіемъ просилъ пощады; тогда злодѣй Тарновскій... — »Нещастный! что ты произнесъ? прервала Мадлена — Иванъ Тарновскій мой отецъ! »Твой отецъ!» сказалъ съ презрительною улыбкою юноша: »да сохранитъ тебя небо имѣть душу и сердце отца твоего! Плачься на опредѣленіе судьбы, назвавшей тебя дочерью тирана! Горе, горе тому, кто имѣетъ отца ознаменованнаго печатью стыдною!» Остановись несчастный! — прервала еще огорченная Мадлена — тому да будетъ стыдно, кто дерзаетъ помрачать честь дѣтей безчестіемъ отца ихъ: злодѣяніе одного не есть злодѣяніе общее. Горе и тому, кто такъ безрасудно опредѣляетъ казнь тысячамъ невинныхъ за коварство одного виновнаго! — Молодой человѣкъ потупилъ глаза, склонилъ го-

лову и въ замѣшательствѣ не умѣлъ отвѣчать ни слова. Мадлена замѣтила свою неосторожность и, взявъ руку плѣнника, тихимъ и утѣшительнымъ голосокъ присовокупила: непорицай отца при глазахъ дочери; не раздирай безжалостнымъ упрекомъ ея бѣднаго сердца! Отецъ опредѣлилъ смерть тебѣ, а дочь желаетъ возвратить тебѣ жизнь, и щастіе. — «А кто возвратитъ мнѣ тѣ слезы, которые омыли жестокость моихъ страданій?... Юноша опять думалъ сказать болѣе; но негодованіе и рыданіи, его задушали; Мадлена старалась утѣшать нещастнаго и наконецъ, поселивъ нѣкоторую надежду въ безотрадномъ его сердцѣ, удалилась изъ темницы, съ обѣщаніемъ продолжать таинственныя посѣщенія.

Съ большою осторожностію она вышла изъ мрачнаго заключенія и, съ притворнымъ равнодушіемъ, возвратилась къ отцу. Въ ея душѣ обитала горесть, ея взоры явно показы-

вали соболезнованіе о страждующей невинности и всѣ негодованіе на жестокость поступковъ тирана. Тарновской, казалось, не замѣчалъ перемѣнъ въ лицѣ дочери; но онъ увеличивалъ свою суровость отчасу болѣе и болѣе: его злоба обнаруживалась при всякомъ движеніи, и—весь замокъ приходилъ отъ того въ трепетъ. Между тѣмъ Мадлена сто разъ рѣшалась быть ходатайницею за несчастливца, сто разъ предпринимала таинственныя свои посѣщенія и, сто разъ оставалась безъ всякаго успѣха подать и малѣйшую помощь любезному ей страдальцу; все было тщетно: жестокость отца заставляла трепетать добродѣтель дочери. Только таинственныя посѣщенія производили въ ней какое то облегчительное впѣчатленіе. — Щетининъ уже не страдалъ тогда, когда раздѣлялъ время съ Мадленою; Мадлена уже почитала тѣ минуты погибшими, когдане видалась съ Щетининымъ; ни тотъ, ни другая не понемали ясно,

что было причиною ихъ необыкновенныхъ влеченій ко взаимнымъ свиданіямъ; однакожъ, дѣвица умѣла чувствовать въ сихъ же самыхъ влеченіяхъ новое удовольствіе, какого то неизъяснимаго блага. Такимъ образомъ тайна свиданій ихъ продолжалась. Филиппъ не имѣлъ уже тѣхъ недостатковъ, которые содѣлывали жизнь его ужасною. Мадлена доставляла ему всѣ потребности, и ея состраданіе, внезапно обратилось въ чувство, выше всѣхъ состраданій: въ нѣжную дружбу, а потомъ — въ пламенную любовь; но въ любовь чистую и невинную.

Между тѣмъ одинъ изъ друзей Тарновскаго замѣтилъ необыкновенныя прогулки Мадленины; ея осторожность не могла ему подать средствъ къ открытію подлинной тайны; но онъ безъ труда узналъ въ Мадленѣ ту самую женщину, которая нѣкогда прогуливалась подлѣ крѣпостной ограды. Этотъ другъ не замѣдлилъ сообщить свои замѣчанія

Тарновскому и, раздраженный отецъ заклялъ себя наказать дерзость незнакомки смертію. Доносщикъ не упустилъ, также, съ своей стороны ни малѣйшей подробности: время прихода въ бѣсѣдку было ему извѣстно и, вотъ тиранъ рѣшился предпринять ужаснѣйшія злодѣянія. — Наступилъ вечеръ: Тарновскій, вооружась ножемъ, скрылся вблизи бѣсѣдки, съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ своей жертвы. — Уже была ночь, темнота увеличивалась; а незнакомка все еще не являлась. Тарновской умиралъ съ досады и переходилъ изъ одного бѣшенстве въ другое; но наконецъ послышался ему тихой шорохъ. Здѣсь убійца съ твердостію поднялъ руку и ожидалъ приближенія незнакомки. Свѣтъ потаеннаго фанаря показалъ человѣческую фигуру; но слабость этаго свѣта не допускала въ точности разсмотрѣть лица. Первой удобной случай былъ произведенъ въ дѣйствіе, и первой подозрительной человѣкъ палъ подъ ударами ножа...

И сколь велико было изумленіе Тарновскаго, когда, въ тоже самое время, еще другой голосъ требовалъ помощи! Злодѣй хотѣлъ спастись; но — запнувшись объ убитаго, палъ въ безчувствіи.

Скоро прибѣжали стража и другіе служители замка: свѣтъ многихъ фонарей открылъ всю сцену убійства: Тарновскій плавая въ крови своего любимца, не показывалъ ни малѣйшаго признака жизни! — А ктожъ требовалъ помощи?... Никто не могъ отгадать причины смертоубійства. Въ замкѣ и въ его окрестностяхъ многое говорили о семъ непостижимомъ произшествіи, многія составляли свои догадки; но всѣ сіи подозрѣнія — ограничивались совершеннымъ невѣденіемъ. Да и былали возможность узнать что нибудь? Тарновскій полумертвой отнесенъ былъ въ замокъ; любимецъ Тарновскаго убитъ; незнакомецъ требовавшій помощи остался тайною.

Но Мадленѣ была извѣстна тайна

страшнаго вечера; въ самое то время, когда произошло смертоубійство; она возкращалась отъ своего друга, и она была таинственною женщиною и неизвѣстнымъ предмѣтомъ мщенія своего отца. Ей была назначена, смерть; но вмѣсто того Провидѣніе ее спасло и наказало руку, покусившуюся на жизнь — невинности; оно остановило стремительный порывъ злобы! — Мадлена была шолько свидѣтелемъ жестокаго смертоубійства; она требовала помощи; а когда узнала въ смертоубійцѣ отца: то скрылась и благословляла руку Провидѣнія, которое спасло даровавшаго ей дни отъ ужаснаго преступленія, отъ страшнаго имени дѣтоубійцы!

Тарновскій занемогъ и былъ почти въ непрерывномъ безпамятствѣ; когда же приходилъ въ чувство, тогда, вообразивъ неудачи и чрезъ то потерю наилучшаго изъ друзей онъ проклиналъ и, себя и всю вселенную. Болѣзнь обнаруживала все свирѣпство его нрава—весь замокъ былъ въ тре-

петъ; но Мадлена, и во время его неистовствъ, оказывала ему всю почтительность нѣжной дочери, всегда старалась его успокоивать всевозможными ласками непритворной заботливости и, между тѣмъ не позабывала и милаго ей плѣнника, жизнь котораго уже становилась для нея — собственною ея жизнію. Съ самаго того времени, какъ Тарновскій впалъ въ безуміе, страдалецъ Щетининъ не почиталъ себя страдальцемъ: онъ не пользовался свободою; но дружбою (ежели не любовью?) прекраснѣйшаго существа Мадлены! — Чегожъ болѣе! Щастіе нашей жизни зависитъ отъ любви, или дружбы. Можно утвердительно говорить, что человѣкъ, нашедшій для своего сердца другое сердце—сердце съ тѣми же чувствами, которами питается его собственное — нашелъ своего Ангела-хранителя...

Время сказать, что нибудь о Тарновскомъ. Онъ почиталъ Филиппа совершенно погибшимъ; ибо съ тѣхъ поръ, какъ сей послѣдній былъ пе-

ремѣщенъ въ подземелье, мѣсто его заключенія было извѣстно только одному Тарновскому и тому, изъ его любимцевъ, которой достался на жертву его же адской запальчивости. Впрочемъ, злодѣй никакъ не думалъ, чтобъ неизвѣстная женщина могла что нибудь сдѣлать къ облегченію ненавистнаго ему плѣнника, онъ былъ также увѣренъ и въ томъ, что она послѣ случившагося съ нею приключенія не захочетъ платить за безразсудную отважность жизнію; что сама тайна ея посѣщеній должна быть, непремѣнно, когда нибудь обнаруженною, и что не усыпность стражи, сохранявшей садъ и замокъ, пресѣкла всѣ средства къ освобожденію Щепинина. Такимъ образомъ съ этой стороны Тарновскій былъ спокоенъ; однакожъ и сіе спокойствіе не могло быть продолжителънымъ: онъ выздоровѣлъ — и узналъ, что плѣнникъ его, сверхъ чаянія, нашелся въ хорошемъ состояніи. Эта неожиданность была для него непостижимою, — она родила

въ немъ тысячу новыхъ мыслей и плановъ, которые всѣ должны были исполниться чрезъ нѣсколько времени; но особое Королевское повѣленіе, потребовавши его немѣдленно ко двору, не допустило дѣлать отлагательствъ: положено было въ наступающій же вечеръ умертвить Щетинина.

Посмотримъ и здѣсь, допуститъ ли благое Провидѣніе торжествовать злодѣю; посмотримъ на твердость и постоянство невинности, пребывающей подъ взоромъ Бога — Ему одному только возможно наказывать порокъ и вознаграждать добродѣтель; Богъ одинъ только знаетъ всѣ тайны душъ человѣческихъ. — Еще съ самаго утра Тарновскій былъ необыкновенно озабоченъ; его глаза показывали ужасное помѣшательство; никакое притворство не могло скрыть его неудовольствій. На всѣхъ чертахъ его лица мертвая угрюмость наложила свою печать. Во весь день онъ не выходилъ изъ комнаты и занимался никому неизвѣстнымъ

придуготовленіемъ. — »Опять война съ Русскими« — такъ говорили въ Замкѣ — »и Король опять назначаетъ Гетманомъ Ивана Тарновскаго: вотъ причина его заботливости! »Король прогнѣвался на Господина нашего« — говорили другіе. — »Онъ обвиненъ; ему нѣтъ средствъ оправдать себя: вотъ причина его заботливости!« — Все это вздоръ! »восклицали нѣкоторые:« Тарновскій содержалъ въ замкѣ храбраго полководца Русскаго; но полководецъ скрылся, былъ у Короля и требовалъ правосудія: вотъ причина его заботливости! »Такъ разсуждала молва, и все еще не знала причинъ перемѣны въ Тарновскомъ.

Между тѣмъ Мадлена пользуясь нерѣшимостію и задумчивостію отца, лѣтела на крыльяхъ любви къ своему другу; онъ по обыкновенію принималъ ее, какъ Ангела утѣшителя. Много они говорили о бѣдствіи и щастіи, поперемѣнно постигающихъ родъ человѣческій; Мад-

лена иногда плакала и проклинала ту невозможность, которая препятствовала ей быть спасительницею любимаго ею плѣнника — друга; Филиппъ не роптал на жестокость Судьбы и, съ равнодушіемъ утверждалъ, что покровительство Мадлены и, въ самой варварской неволѣ для него дороже самой щастливѣйшей свободы. »И ты такъ думаешь?« спрашивала Мадлена. »Думаю« —отвѣчалъ Филиппъ — »Гдѣ благодѣтельствуетъ рука прекрасной и добродѣтельной дѣвицы, тамъ страдалецъ не имѣетъ никакихъ правъ почитать себя страдальцемъ. Когда ты со мною: то могу ли я чувствовать тягость оковъ моихъ? могу ли я теперь жаловаться на жестокость неправосудія, рука Его неопуститъ меча надъ невиннымъ! такъ! я уже щастливъ и потому, что все стремленіе моихъ мыслей и всѣхъ моихъ желаній обращаю только къ одной благотворительницѣ: Мадленѣ! Я живу и чувствую мою жизнь толь-

ко тобою! »Филиппъ!« сказала съ застѣнчивостію Мадлена. »Ты меня назвалъ благотворительной: это не я, Филиппъ! мнѣ едва ли можно назвать себя и тѣмъ изъ твоихъ товарищей, которой однимъ только душевнымъ участіемъ дѣлитъ съ тобою твою скорбь!.. Мои ли слабыя услуги почтутся благодѣяніемъ? Я исполняю долгъ человѣка и долгъ Христіанки! »Мадлена! — возразилъ Филиппъ — своею скромностію ты превышаешь всѣ добродѣтели! а цѣна твоей красоты, твоей любезности, выше всѣхъ твоихъ добродѣтелей... — »Я не красавица!« прервала, запинаясь Мадлена; розы показались во всемъ блескѣ на ея щекахъ, глаза измѣняли притворной твердости ея сердца: милое, неожиданное замѣшательство представило въ ней прелѣстнѣйшею изъ женщинъ!... »Я не красавица,« продолжала она »а что касается до моихъ добродѣтелей, то онѣ слишкомъ не велики. Ежели ты назы-

ваешь добродѣтелью то, что я стараюсь облегчить твою судьбу; — Скажижъ мнѣ, Филиппъ! Чье сердце не сдѣлало бы того же?... »Я вѣрю! — воскликнулъ Филиппъ, — но ты можешь сдѣлать еще больше! Ахъ! Мадлена, ты имѣешь самое дѣйствительное средство освободить мое сердце отъ мучительной неизвѣстности. . . Мадлена! ты поняла меня? Жизнь и свобода мои зависятъ отъ твоего слова! — Мадлена опустила глаза и старалась, какъ только возможно, скрыть свое новое замѣшательство. »Понимаешь ли ты меня, понимаешь ли?« — Повторилъ еще нѣсколько разъ Филиппъ. — »Нѣтъ я не могу болѣе говорить съ тобою,« сказала, наконецъ, Мадлена я увѣрена, что одна только свобода можетъ доставить тебѣ счастье; но свобода въ моей ли власти? »А твое сердце, а твоя любовь — подхватилъ Филиппъ, бросившись къ ея ногамъ — твоя любовь можетъ преобразить въ рай и эту темницу! Твоя любовь спа-

сетъ меня; любовь твоя дастъ мнѣ жизнь небесную!... — »Что произнесъ ты?« прервала его Мадлена: »любовь нещастныхъ имѣетъ ли хотя одну щастливую минуту? Какія слѣдствія можетъ произвести пагубная наша страсть? »Одно щастіе!« — воскликнулъ Филиппъ — »одно щастіе, милая моя Мадлена! Я люблю тебя, любимъ тобою, и кто насъ съ тобою блаженнѣе?« —

Шумъ, послышавшійся на поверхности темницы, прервалъ ихъ разговоръ. Съ трепетомъ Мадлена подбѣжала ко входу и узнала голосъ отца, которой съ кѣмъ-то разговаривалъ. »Я очень радъ,« отвѣчалъ ему незнакомецъ, »что васъ нашелъ здѣсь; въ замкѣ увѣряли, что васъ не было дома; а между тѣмъ какъ я разослалъ васъ искать, мнѣ вздумалось погулять въ прекрасномъ вашемъ саду, и какая же прещастливая встрѣча!... Послушайтесь меня, Гетманъ! назовите эту бесѣдку — бѣсѣдкою благополучной встрѣчи!«

Я лучше всѣхъ знаю, какъ называть ее — отвѣчалъ, съ притворною шутливостію, Тарновскій.— Послѣ сего одна шутка слѣдовала за другою и, до тѣхъ поръ, пока хозяинъ, соскучивъ шутками, спросилъ, что было поводомъ къ нечаянному пріѣзду милаго гостя? »Меня прислалъ къ тебѣ Король; говорю за келью: ты очень ему нуженъ, Гетманъ! Русь опять начала какія-то задорныя движенія. Въ Москвѣ явно ругаются надъ каждымъ Полякомъ; Смоленскъ волнуется. Теперь есть случай наказать гордость Москалей. Крымскія и Казанскія Орды, не престаютъ ихъ тревожить, мы будемъ съ Крымцами, а Казанцы всегда готовы за насъ...« »Обстоятельства ясны!« вымолвилъ, подумавши, Тарновской. »Москаль *на-всегда* не другъ Полякамъ... Но его Величеству извѣстно, что я чуть дышу!«—присовокупилъ съ досадою Полководецъ. — »А въ прочемъ для меня удивительно и — то, продолжалъ онъ же, »для чего

ни кто изъ васъ не хотѣлъ доложить Королю, что война наступательная не принесетъ намъ, въ теперешнемъ положеніи, никакихъ выгодъ! — »Ты большой чудакъ, Тарновской!« крикнулъ, съ громкимъ смѣхомъ, незнакомецъ: »Что тутъ дѣлать, когда ужъ самъ Король тебя требуетъ непремѣнно... Согласишся ли ты быть ослушнымъ? Явись и — бысть?« — »Доложи Его Величеству, что я долженъ Ему повиноваться — отвѣчалъ Тарновскій, задыхаясь съ досады.« — Но Его Величеству было угодно, чтобъ ты ѣхалъ вмѣстѣ со мною? — »Если такъ — съ необыкновеннымъ шумомъ произнесъ Тарновскій. — Я готовъ, готовъ! Мое слово дано; Королевскій Указъ святъ. — И такъ отецъ Мадленинъ, не успѣвъ сдѣлать ни одного разпоряженія въ пользу своихъ преднамѣреній, уѣхалъ. Между тѣмъ Мадлена возвратилась къ Филиппу и увѣдомила его о семъ неожиданномъ отъѣздѣ. Иванъ Тарновскій былъ чрезвычайно разстроенъ,

лишившись друга, (котораго смерти былъ самъ причиною); онъ потерялъ всѣ средства къ достиженію своихъ желаній. Таинственная женщина опять предстала его воображенію и поселяла въ злобной его душѣ одну досаду за другою.

Мадлена оставшись, на свободѣ безъ отца, оставалась полною властительницею всего дома; она придумывала уже нѣкоторыя средства къ освобожденію Филиппа; но сіи средства были возможными еще только въ одномъ ея воображеніи, въ однѣхъ мечтахъ, льстивыхъ для желаній души; но не рѣдко гибельныхъ для истиннаго спокойствія жизни. Посмотримъ же, теперь какой оборотъ они получатъ на самомъ дѣлѣ. Едва Тарновской уѣхалъ, Мадлена явилась въ темницѣ и разсказала Филиппу, со всею подробностію, объ отъѣздѣ отца. Филиппъ, ввѣривъ ей тайну сердца, легко могъ открыть, ей же и, всѣ желанія души: онъ предложилъ Мадленѣ побѣгъ. Долго она колебалась

въ нерѣшимости, представляя своему любимцу всю картину ужасныхъ слѣдствій, могущихъ произойти отъ безразсудныхъ предпріятій; она изобрала все нещастіе, уже постигшее ихъ, и которое готово было еще постигнуть ихъ ужаснѣйшимъ образомъ; но Филиппъ слушавъ все, твердо стоялъ въ предложеніи и, вотъ Мадлена поколебалась: она была уже почти согласна и уже рука ея готовилась утвердить взаимность согласія.

»Но куда мы скроемся? какая страна приметъ изгнанницу?« наконецъ спросила Мадлена; щеки ея пылали; смущеніе напечатлено было въ ея взорахъ, во всѣхъ ея движеніяхъ. »На святую Русь« — отвѣчалъ Филиппъ. — »На святой Руси ни одинъ злосчастный не умиралъ безъ крови: на моей родинѣ мы найдемъ для себя надежную пристань: тамъ, Мадлена! ты не будешь изгнанницею: мои сестры будутъ тебѣ сестрами, мои друзья будутъ твоими, а мои родители примутъ тебя, какъ

дочь любимую, какъ ангела - спасителя ихъ сына, а наконецъ, они прижмутъ тебя къ своему сердцу, какъ нѣжную подругу щастливаго Филиппа! — »Вѣрю,« говорила Мадлена, приходя отчасу въ большее смущеніе. »И я должна тебѣ вѣрить; но что тогда будетъ съ моимъ отцемъ, когда ты для своего оправданія будешь вынужденъ открыть всѣ его вѣроломства, тобой испытанныя?.. Ахъ! что тогда съ нимъ будетъ! Твой Царь, по всей правдѣ, осыплетъ упреками моего Короля и— мой виновный отецъ, можетъ быть, погибнетъ!... Говори, Филиппъ, что тогда скажутъ о той дочери, которая одною рукою спасая любимца сердца, другою умертвила отца? — »Мадлена! милая Мадлена! воскликнулъ страдалецъ, и ты думаешь, что я въ состояніи чѣмъ — либо наносить тебѣ огорченіе? Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ, я не стану доказывать на отца той, которая проявилась новымъ, драгоцѣннѣйшимъ бытіемъ моей ду-

ши! Я никому не скажу, что твой изрывалъ мнѣ погибель; нѣтъ! я не скажу этого; но я увѣрю моего Монарха, что я доставшись израненый и — полумертвый въ руки вашихъ крестьянъ, при твоей красотѣ и — добродѣтеляхъ — которыми ты возвратила мнѣ жизнь — я, позабылъ и мою родину, и мою обязанность. Да, милая Мадлена, когда и любовь, и благодарность сольются вмѣстѣ *во что-то* одно, тогда я не знаю о чемъ не позабудешь, кромѣ любви. . . »Благодарность и любовь, любовь и благодарность!« повторила нѣсколько разъ, смущенная Мадлена: »онѣ будутъ нераздѣльны; но ежели ты долженъ будешь погибнуть; ежели твой Царь не будетъ тебя щадить, какъ подданнаго, лишь для любви и благодарности забывшаго свой долгъ, свое отечество; тогда и мой Король потребуетъ твоей казни; онъ испроситъ казнь обольстителю, приносящему безславіе чести дочери одного изъ первѣйшихъ его Вельможъ!

»Мадлена! — возгласилъ Филиппъ — ты мой Ангелъ-Спаситель и ты вездѣ и, во всякомъ случаѣ, должна быть мнѣ благодѣтельница? . . . — Разговоръ продолжался; но рѣшеніе все еще не утверждалось: Мадлена колебалась; Филиппъ не могъ ей болѣе противорѣчить. Такимъ образомъ прошло нѣсколько дней. Тарновской все еще не возвращался. Наконецъ любовь преодолѣла всѣ препятствія: любовники рѣшились бѣжать и въ сопровожденіи вѣрныхъ слугъ, преданныхъ Мадленѣ скрылись изъ замка.

Скоро ихъ побѣгъ сталъ извѣстнымъ и сообщники Тарновскаго спѣшили отыскать Мадлену. Нарочный гонецъ былъ отправленъ къ отцу ея. Между тѣмъ любовники благополучно достигли границъ Россійскихъ и въ первомъ селеніи обязались неразрывными узами, святою клятвою предъ Алтаремъ Божіимъ. — Теперь мы оставимъ ихъ въ упоеніи минутами щастія и посмотримъ, что происходило въ замкѣ.

Панъ Тарновской немедленно оставилъ всѣ порученія, данныя ему Королемъ, и возвратился! Всѣ посланные въ погоню за Мадленою также возвратились и, безъ успѣха. — Какой горестный, какой несчастный случай для души, напитанной злобой и мщеніемъ! Тарновской былъ въ самомъ отчаянномъ положеніи: въ бѣшенствѣ, проклиналъ онъ жизнь, порицалъ Короля и даже Бога — »И такъ плоды моихъ намѣреній »говорилъ раздраженный, мнѣ принесли одно только посрамленіе; мои желанія осшались безъ исполненій; мои обиды безъ отмщеній! . . . Змія, посягавшая на мою жизнь, будетъ въ торжествѣ ! . . Моя дочь, моя Мадлена досталась въ жертву обольстителя... Вѣрной другъ, другъ невинный предъ мною; такъ счастливо раздѣлившій со мною и сердце и жизнь, теперь палъ отъ ожесточенной моей руки; онъ былъ добычею ослѣпленій. . . Я еще вижу его невинную кровь возклокашавшую подъ ударами ножа!«

Такъ вопилъ Тарновской и, былъ успокоенъ только, казнію нѣкоторыхъ караульныхъ въ замкѣ. Онъ и самъ хотѣлъ предпринять погоню; но не угадывалъ, куда скрылась его дочь и притомъ не имѣлъ свободы въ скорости, безъ особеннаго Королевскаго приказанія, оставить границы Польскія.

Въ продолженіи сего времени Филиппъ и Мадлена успѣли пріѣхать въ Москву; тамъ родныя и друзья встрѣтили ихъ съ душевною радостью. Царь Іоаннъ уже принялъ бразды Правленія и Филиппъ былъ представленъ Ему, какъ герой, страдавшій за отечество, какъ притѣсненный жестокостію Польскаго вельможи; и Государь послалъ гонца къ Королю Польскому съ требованіемъ наказать притѣснителя, угнѣтавшаго воина Русскаго.

Съ радостію всѣ ожидали правосудія, опредѣлявшаго наказаніе преступнику; одна Мадлена, какъ нѣжная дочь, оплакивала заблужденія своего отца; онъ былъ долженъ, по

законамъ чести, потерять жизнь, или по крайней мѣрѣ быть изгнанникомъ. Заливаясь горькими слезами, она умоляла супруга защищать преступника. . . Филиппъ соглашался; но всѣ бояре Русскіе, оскорбленные въ лицѣ Филипповомъ, требовали суда и гласъ состраданія не могъ заглушать голоса правды.

Въ тоже время Иванъ Тарновской потерявъ всѣ средства и надежды къ отмщенію, прибѣгнулъ также къ самому Королю и объявилъ, что Щетининъ перешедши границу Русскую, скрывался нѣсколько времени въ окрестностяхъ замка Тарновскихъ и успѣлъ обольстить Мадлену. Эта выдумка произвела свое дѣйствіе надъ честолюбіемъ Короля Польскаго: онъ оскорбился и отправилъ ко Двору Московскому своего гонца съ жалобою на обольстителя: онъ требовалъ немедленной выдачи Мадлены и казни Филипповой. Оба гонцы повстрѣчались, оба разсказали другъ другу о причинахъ своего посольства и оба

дивились странному случаю, которой готовъ былъ въ одно мгновеніе возжечь брань между двумя, едва примирившимися, Державами — Тарновской не допустилъ посла Русскаго къ Королю и отправилъ его безъ отвѣта; напротивъ Польскій гонецъ былъ представленъ Россійскому Государю и отпущенъ съ опроверженіемъ несправедливыхъ доносовъ и требованій со стороны Двора Польскаго. Царь не признавъ Щешинина обольстителемъ настоятельно требовалъ удовлетворенія за обиды, нанесенныя его воину; а между тѣмъ возвратился и Русской гонецъ — безъ отвѣта. Пріѣздъ гонца вооружилъ весь совѣтъ Московскихъ бояръ противъ гордой непреклонности Польской. — Переписка между обоими Государями становилась отчасу дѣятельнѣе и, Царь и Король требовали мщенія! Но скоро Сигизмондъ* готовъ былъ согласиться и склонить Тарновскаго искать для себя мило-

* Владѣвшій тогда Король Польскій. Соч.

сши у Грознаго; на великодушіе, котораго онъ всегда имѣлъ твердую надежду; но злобный Полководецъ Литовскій и здѣсь упорно стоялъ въ своемъ намѣреніи: онъ вооружалъ руку Государя и отвергалъ всѣ доброжелательства Польскихъ Патріотовъ, утверждая, что Россія едва окончавшая войну съ Татарами, должна будетъ необходимо воевать съ Густавомъ Шведскимъ, Государемъ Великимъ въ войнѣ, и въ мирѣ, и что славный союзъ Поляковъ со Шведами можетъ вознаградить съ избыткомъ потери Сигизмундовы. — Поляки раздѣлились на двѣ партіи: одна защищала сторону Тарновскаго, другая соглашалась съ Патріотами, и послѣдняя побѣдила первую: Вельможа Янъ Тарновской оставался одинъ при своемъ пагубномъ для Королевства мнѣніи. Сигизмундъ готовъ былъ отправить его ко Двору Россійскому — съ повинностію; но онъ скрылся!...

Чтожъ тогда происходило съ Филиппомъ и Мадленою? Они въ кругу

любви и дружбы подъ защитою сильнаго Монарха были счастливы! Одинъ только несправедливый гнѣвъ отца разстроивалъ иногда блаженство дочери. Мадлена воспоминала о немъ съ трепетомъ и заливалась слезами; но Филиппъ раздѣлялъ съ нею грусть ея души, утѣшалъ тѣмъ супругу и, грусть взаимная не столько была чувствительна, сколько бы могла быть въ одиночествѣ.

Однажды, когда Филиппъ находился при дворѣ Царскомъ, а Мадлена оставаясь въ своей подгородной деревнѣ Новинахъ*, взгрустнувъ по ро-

* Такъ точно объяснялось и въ самомъ подлинникѣ повѣсти. *Новиною, Новинками* и *Новью* и проч., говоритъ Авторъ, Москвитянѣ называютъ всѣ приселки къ Городу, жалуемые имъ за службу Царями. Жители сихъ приселковъ бывали, большою частію плѣнники, добытые на войнѣ самымъ тѣмъ героемъ, который получалъ ихъ въ жалованье за свою службу подгородную землю. Поселенія сихъ Иностранцевъ подъ Городами почиталось безопаснымъ — здѣсь они бывали скоро усмиряемы и проч. — И такъ Филиппъ ЩепININъ не тамъ ли жилъ гдѣ теперь наше *Новинское*?

динѣ, долго бродила по берегу протекавшей подъ окнами ихъ терема рѣки Москвы, и потомъ задумавшись сидѣла на дерновой скамейкѣ въ саду, вдругъ необыкновенной шорохъ извлекъ ее изъ задумчивости; Мадлена взглянула — и чтожь? Тарновской стоялъ надъ нею и готовъ былъ поразить ее ударомъ кинжала*; но чувства отца еще не угасли въ его душѣ, и онъ трепеталъ отъ мысли пролить кровь дочери — кровь собственную. Съ рыданіемъ Мадлена кинулась къ его ногамъ и требовала наказать дочь преступницу. — Нѣтъ! ты не умрешъ! » вскричалъ Тарновской; слезы покатились съ его глазъ, кинжалъ выпалъ изъ руки; чувства природы побѣдили бѣшенство чело-

* Раскащикъ повѣсти увѣряетъ, что Поляки, отъ Смоленской стороны, тайно приплыли, по рѣкѣ, къ саду Щепинина и, весь день скрываясь въ чащѣ ельника подъ берегомъ, ожидали случая къ исполненію мщенія. — Здѣсь что-то явно указываетъ на наше *Новинское*. Рѣка, Смоленская дорога, садъ на рѣкѣ и проч. М.

вѣка и отецъ прижалъ дочь къ своему сердцу.

Кто противъ Бога! кто противъ чувствъ природы!« повторялъ неоднократно изгнанный вельможа Польскій, не выпуская Мадлены изъ объятій. Богъ проститъ насъ! — сказалъ человѣкъ, стоявшій позади Тарновскаго — любовь отцовская всегда должна быть наградою любви дѣтской! — Тарновской едва успѣлъ обернуться, чтобъ взглянуть на того кто говорилъ ему, Филиппъ уже держалъ его въ объятіяхъ. — »Богъ и отецъ простили меня!« воскликнула Мадлена и довершила группу разительную для сердецъ чувствительныхъ!

Любовь и прощеніе были единственными словами, излѣтавшими изъ устъ отца, дочери, супруга; ласки и нѣжность любви и дружбы оканчивали трогательную картину. Всѣ вошли въ домъ Филипповъ и щастливое свиданіе ихъ было заключено радостнѣйшимъ праздникомъ.

Молва о прибытіи Тарновскаго съ повинностію къ Царю Русскому и, о прощеніи дочери разгласилась по всей столицѣ. Самъ Іоаннъ прислалъ поздравить ихъ, а друзья и родственники, раздѣляя съ ними благополучіе, навѣщали ихъ безпрестанно. Имена Мадлены, Филиппа и Тарновскаго раздавались въ громкихъ восклицаніяхъ удовольствія: »Богъ утвердилъ согласіе ихъ семѣйства!«

Преданіе увѣряетъ, что бѣлый голубь, державши свѣжій вѣнокъ, долго носился надъ жилищемъ Щетинина, наконецъ онъ уронилъ его на Ключахъ, тамъ гдѣ нынѣ дача Демидова; вѣнокъ не потонулъ и предзнаменовалъ тѣмъ вѣчную радость любящимся. — Мадлена сама достала вѣнокъ изъ ключей и хранила его, какъ сокровище — пророчества на жизнь, безъ перемѣны, счастливую.

Скоро, послѣ того, Государи при-

мирились*; Тарновской прощенъ и всѣ требованія мщенія были уничтожены съ той и съ другой стороны. Но на долго ли? — Другія, важнѣйшія причины, указали опять двумъ соплеменнымъ народамъ войну — кровопролитнѣйшую; но ни Тарновской, ни Щетининъ уже въ ней не были участниками.

Бесѣдка, подъ которою содержался плѣнникъ Филиппъ — Я говорю о замкѣ Тарновскаго — была обращена въ храмъ примиреній, а садъ украсился памятникомъ любви и дружбы.

Близь Кракова, лѣтъ за двадцать предъ симъ, старцы Польскіе указывали еще на богатое жилище славнаго своего Полководца, и, на одномъ изъ столѣтнихъ деревъ, красавицы, угадывали, въ слитыхъ и трудныхъ высѣчкахъ, имена Филиппа м Мадлены.

---

* Здѣсь Историкъ ручается только за долговременность любви двухъ щастливыхъ супруговъ.

У насъ, подъ Москвою, жившіе до 1812 года старушки, разсказывали мнѣ о *Ваганьковскомъ** полѣ, какъ о мѣстѣ игрища на *зеленыя святки***, а между родниками Трехъ-Горными онѣ думали находить ключь съ прозваніемъ: *Барышнинъ вѣночикъ.*

Но старушекъ, знакомыхъ съ родникомъ *Барышнинъ вѣночикъ* уже нѣтъ на свѣтѣ и — я теперь не умѣю указать его любопытнымъ.

---

* Всѣмъ извѣсно, что въ Вологдѣ, между простолюдинами, еще и до сей поры слово это сохранено въ значеніи *игрища, Вазанить* значитъ *играть.*

** Троицынъ день.

VIII.

ТВЕРСКОЙ ВРАЖЕКЪ.

(Хроника 1657 года.)

ТВЕРСКОЙ ВРАЖЕКЪ.*

„Слава тебѣ, Господи, слава тебѣ!“ сказалъ кузнецъ Ѳедоръ Сивцевъ при первомъ ударѣ соборнаго колокола къ заутренѣ на Великій день Пасхи.

„Христосъ Воскресъ! Христосъ Воскресъ!“ повторялъ онъ безпрестанно, перебираясь въ самую половодь на лодкѣ отъ Царскихъ кузницъ по Неглинной къ Петровской Слободѣ. „Въ монастырѣ“ продолжалъ Федоръ отслушаю Утреню; тамъ будетъ и Грушинька чулошница: я увижу ее непремѣнно и во чтобы то ни стало, вызовусь ее проводить чрезъ Тверской Вражекъ вплоть до двора, до самой Никитской Слободы; а домой въ кузницу, хоть и къ самому обѣду поспѣю,

---

* Что нынѣ Старо-Газетный переулокъ.

своимъ отповѣди не дамъ: съ ними христосоваться и позднѣй не бѣда!„ Какъ сказано, такъ и сдѣлано: Ѳедоръ переплылъ Неглинную, привязалъ свою лодку къ старому вязу въ виду самаго того мѣста, гдѣ теперь домъ Анненковой; въ лѣвѣ къ болоту у него оставалась часовня Воскресенія Слащихъ:* тамъ ярко горѣли свѣчи молящихся чудотворной иконѣ Нила Столобенскаго. Ѳедоръ перекрестился, сдѣлалъ земный поклонъ и побѣжалъ рысью въ гору къ Петровскому монастырю. Здѣсь у Всеночной часто бываютъ съ чадами и домочадцами Князь Петръ Ивановичь Пронскій, да Семенъ Лукьяновичь Стрешневъ**. Много на нихъ и серебра, и золота; богатые бояре: распустишь глаза и по неволѣ. Ну, да что мнѣ до нихъ; они поѣдутъ

---

* Въ послѣдствіи приходская церковь, уничтоженная послѣ 1812 года. Тамъ находилась чудотворная икона Св. Нила Столобенскаго.

** Оба были боярами при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, то есть: 1657 года и въ послѣдующіе *Списокъ боярской съ 1548 по 1707 годъ.*

къ Батюшкѣ Царю Алексѣю Михайловичу, а мнѣ что? Я подковалъ ихъ лошадокъ, да иду помолиться, да похристосоваться съ Грушенькой. О Грушинька! Грушинька! » повторялъ онъ неоднократно: » да я тебя ни на какого боярина не промѣняю! « Утреню уже служили, когда Ѳедоръ вошелъ въ трапезу монастырскую; осмотрѣлъ, помолился; но Грушиньки чулошницы* тамъ не было. Онъ призадумался; опять перекрестился, опять глядѣлъ, поглядывалъ и туда и сюда, а Груши все нѣтъ, какъ нѣтъ. Утрення на отходѣ; громко и торжественно пѣли Христосъ воскресъ! Боярыня, хозяйка Князя Петра Ивановича Пронскаго, изготовилась христосоваться съ Священствомъ и съ народомъ; къ ней подошла боярыня

* Чулошницъ тогда было еще не много и чулки вязывали болѣе шерстяныя и безъ пятокъ, а потому чулошное мастерство въ то время столько же почиталось, какъ нынѣ мастерство соломенныхъ шляпъ. Въ послѣдствіи чулошницы всѣ собрались жить на Бутырки.

Стрешнева, Анфиса Ивановна Козмина, прекрасная дочька Стряпчаго съ ключемъ* и другія боярыни, и вотъ молодецкое сердце не утерпѣло: грѣшникъ Ѳедоръ не домолился, не дослушалъ службы Божіей; выскочилъ изъ церкви и, ну по полугорѣ и по Георгіевскому переулку** улепетывать въ Тверскую Слободу, а ее миновать не льзя, идучи въ Никитскую. Въ перелѣскѣ на молодца залаяла собака, и высокой мужикъ, безъ шапки, съ густою, всклокоченною бородой, съ кистенемъ на рукѣ, окликнулъ Ѳедора; но Ѳедоръ не струсилъ и приподнялъ дубину. »Шатунъ, не подходи!« крикнулъ онъ молодецки. Я тебя, Сидорка Конокрадъ***, знаю;

---

* Смотри упомянутый же списокъ. Иванъ Козмичь Козьминъ былъ Стряпчимъ съ ключемъ. Русская пѣсня того времени разсказываетъ о красотѣ его дочери Анфисы. По преданію, всѣ они жили близъ Тверской и Никитской.

** Тамъ, гдѣ нынѣ домъ Стрѣшневыхъ и модный магазинъ Сихлера.

*** *Конокрадами* назывались тѣ воры, которые,

добрые люди въ Божію церковь, а ты по сараямъ. »Ступай, ступай, кузнецъ! покамѣстъ цѣлъ — отвѣчалъ бородастый мошенникъ, и нырнулъ въ кустарникъ.« Въ этомъ перелескѣ и днемъ нѣтъ добра, »говорилъ самъ себѣ Ѳедоръ,« тотчасъ посадятъ на вѣковѣшную скамью; ужь не сдѣлалось ли чего и съ Грушей? и — не ужели дѣвка позабыла и праздникъ Господень, и слово милому другу! Нѣтъ! это мой грѣхъ: ковалъ да спѣшилъ; подъ праздникъ досадывалъ на боярскихъ конюховъ, съ нечистою душею переплылъ Неглинную!«

Но недоумѣніе рѣшено: въ Тверской слободѣ встрѣтила Ѳедора Матрена Исаевна, просвирня отъ Успенія, изъ Грушина прихода. »Матрена Исаевна,« говоритъ Ѳедоръ: да что это сдѣлалось съ Аграфеной Степановной? она нынѣ и Бога молить за-

---

живучи въ городахъ, или деревняхъ открыто крадывали лошадей, молодечествовали тѣмъ и подкрасивъ краденое, часто продавали свою добычу тому же самому у кого ее крали.

лѣнилась, не была въ Петровскомъ монастырѣ; а вѣдь она туда всегда хаживала. »Ахъ, Ѳедюша, Ѳедюша!— отвѣчала просвирня — да вѣдь и я въ бѣду попала: сюда переплыла, а домой не вѣсть какъ и доѣду! живи здѣсь да и только. Посмотритъ-ко, какъ расколыхался нашъ Вражекъ: и кусты, и огороды по задворкамъ — все потопилъ! Такой воды и не запомнятъ. Вотъ и я хоть ночуй на улицѣ! — »Эхъ! эхъ! Исаевна!« гаркнулъ прибодрясь кузнецъ: »да такія ли рѣки мы переплывали? Вашимъ не льзя къ нашимъ, такъ инъ мы къ вашимъ.« Тутъ они остановились на косогорѣ, гдѣ нынѣ Демидовскій домъ, подлѣ Благороднаго Института, и смотрѣли по наклонности откоска горы въ право къ церкви Успенія Богоматери. Народъ толпился и тамъ и сямъ; по двое и по трое переплывали къ Успенію съ Никитской стороны на плоту. »Э! э! постой-ко — говоритъ Исаевна — я стара, а у меня еще глаза зорки: вѣдь вонъ это повезли навоз-

вратъ барышню красавицу Козмину; вонъ и Стрешневскіе молодцы ее провожаютъ; знатно въ Петровскомъ утренню отпѣли, а барышня не осталась разговливаться у своей матушки крестной, у Княгини Феклы Матвѣевны Пронской; ну да на такой Великой день кто безъ своихъ разговѣется? Барышню ждетъ батюшка Иванъ Козмичь. Онъ же хвораетъ; такъ кто роднаго оставитъ! А вонъ это, смотри пожалуй, вонъ это поплыла и Груша съ матерью; а! такъ она была въ своемъ приходѣ. А вонъ за ними и Сидоръ Карпычь... — »Конокрадъ!« вскрикнулъ Ѳедоръ:» я его встрѣтилъ не добромъ. »Не говори этаго, Ѳедя! — продолжала просвирня — мало ли чѣмъ людей обрекаютъ, а вѣдь онъ съ Царской кухни, и молодчикъ давно увивается округъ дѣвки, и кума Агапьевна рада, рада будетъ, коли сбудется Грушино дѣло!... — »Какъ это?« еще вымолвилъ Ѳедоръ: »Грушу отдаютъ за мужъ, за Конокрада?...« Здѣсь

онъ мигомъ скатился съ пригорка, и мигомъ кинулся вплавь за плотомъ. Исаевна ахнула; народъ гурьбою побѣжалъ къ разливу.

Всѣ видѣли, какъ плотъ подплывалъ уже къ берегу; но удалый успѣлъ нагнать плывущихъ. «Ахъ! ахъ!» вскрикнула Груша. «Ахъ! — повторилъ какъ бы за нею Ѳедоръ, и протянулъ руки, чтобъ подняться на плотъ. Но Сидоръ придержавъ Грушу, оттолкнулъ его, и бѣднякъ потерялся. Съ воплемъ за нимъ рванулась и кинулась Груша, и въ одинъ мигъ всѣ, какъ ключь, ко дну!...

Нынѣ и подумать смѣшно, чтобъ въ Старогазетной улицѣ бывалъ разливъ и тонули люди; но при Державѣ блаженной памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержца, говорятъ хроники, еще свѣжа была могила усопшихъ при болотцѣ, подлѣ подворья Ниловой пустыни—тамъ именно, гдѣ нынѣ домикъ Секретаря Шибаева. Тутъ

С 239 897

дѣвушки Тверскія и Никитскія, ходя на ключь за водою, долго, долго другъ дружкѣ разсказывали: какое бѣдовое дѣло собираться подъ Великій день на молитву съ мыслію не объ одной только молитвѣ; а сосѣднія барышни: Княжны Пронскія, Стрѣшневы и Козмина, поставили здѣсь надъ могилою крестъ да часовню, и въ Троицынъ день, (на Зеленыя Святки), сюда нашивали березку завивать вѣнки, которую тутъ же въ Семикъ и развивали.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	*Стр.*	*Напечатано:*	*Читай:*
7	9	ощдавъ	ощдалъ
8	20	никогда, никогде	никогда
17	24	ушучнилъ	ушучнивъ
—	25	и — ошразилъ	ошразивъ
23	26	И	и Сшуденецкая
30	11	Фрарціи	Франціи
43	20	родыне	родные
46	9	Христіанахъ,	Христіанамъ,
72	12	ушѣхъ однѣхъ	однѣхъ ушѣхъ
77	10	моѣ	мой ошецъ

C 239 89

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2006

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS

HECKMAN
BINDERY INC.
AUG 89
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962